

С(ЧУВ)
К х 38

10027-к

ТР ХУЗАНГАЙ

ДРУЖБА

ЧУВАШГОСИЗДАТ * 1950

Национальная библиотека ЧР

k-010027

~~186903~~

10027k

ПОСВЯЩАЕТСЯ
30-ЛЕТИЮ
ЧУВАШСКОЙ
АССР

ПЕТР ХУЗАНГАЙ

ТУСЛАХ

СӀВӀСЕМПЕ ПОЭМӀСЕМ

ЧӀвашларан
автор куҫарнӀ

Мих. Зенкевич
редакциленӀ

ЧӀВАШГОСИЗДАТ
Шупашкар — 1950

ПЕТР ХУЗАНГАЙ

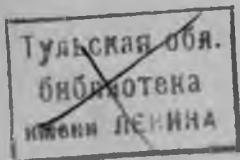
Кор
К С (Чув)
X98

ДРУЖБА

СТИХИ И ПОЭМЫ

Перевод
с чувашского — автора

Под редакцией
Мих. Зенкевича

ЧУВАШГОСИЗДАТ
Чебоксары — 1950

ПРОВЕРЕНО
20 10 07 СЕН 2017

ш 10027-К

Чувашская
республиканская
БИБЛИОТЕКА
ИМ. М. ГОРЬКОГО

ЗАПЕВ

ПЕСНЯ СТАЛИНУ

По селам и нивам, лесам и горам
Наш голос летит над страной:
Будь славен навеки,—дал счастье ты нам,
Свет родины—Сталин родной!

Полмира мы в славных походах прошли,
Неведом был воинам страх.
Сквозь бурю и пламя тебя пронесли
Мы в наших солдатских сердцах.

Прими же, звенящие с песнею в лад,
Слова беззаветной любви:
Живи, наш учитель, наш друг и наш брат,
На счастье народа живи!

Трудом и мечом, кровью сердца, душой
Поклялся тебе весь народ,
И с клятвой святой, как отчизна, большой,
Идет неустанно вперед...

По селам и нивам, лесам и горам
Наш голос летит над страной:
Будь славен навеки, — дал счастье ты нам,
Свет родины — Сталин родной!

1949

В Е К

Бек, чадивший курным дымоходом,
Отошел, спотыкаясь влотьмах.
Озарились мы новым восходом,
Свет иной загорелся в домах.

Догорела лучина, погасла,
Заваялся светец—не сыскать.
И от порчи на щепочке масло
Не сжигает за печкою мать.

Страшен был старый вяз за оврагом:
Говорили, под ним—Киремет.¹
А теперь все проходят там шагом
И никто не бросает монет.

Зори наши ясней и румяней,
На селе даже у пастуха

¹ *Киремет*—злой дух в чувашской языческой мифологии.

Вместо бирок—тетрадка в кармане,
И в музей попросилась соха.

Скоро в поле большом спозаранок
Гордо кони стальные заржут.
И впервые залечатся раны,
Что натер нашим клячам хомут.

Будет взнуздан и ветер, а воды
По другому руслу потекут.
Человек покорит всю природу,
В мире все переделает труд.

1925

НА КАВКАЗЕ

Кавказ. Душа моя при этом слове
Контрастами была всегда полна:
Полдневный жар и вечер ледниковый,
Кинжал и роза, пушка и зурна...

В горах, тропою тесной и опасной,
Летят верхом Шамиль, Хаджи Мурат.
Печорин здесь с черкешенкой прекрасной
Развевать скуку светскую был рад.

Здесь Терек в берегах крутых, скалистых,
Тамара в башне с жертвою у ног;
Легенды, страсти, месть, братоубийство,
Опала смелым, пропасти порог...

Таким вставал Кавказ передо мною—
То буйным, то коварным, то простым.
Бродил я часто школьною порою
Здесь с Лермонтовым, Пушкиным, Толстым.

Но я не слышал слов о Руставели,
Молчали книги старые о нем.
А где-то в Гори стих о Тариэле
Заучивали наизусть тайком.

Не знал в те дни России я изнанку,
Не видел, сколько крови пролилось,
Чтоб смуглый горец с гордою осанкой
Гусару в бурке говорил: „мой гость“.

Не знал я, что столицы сын крамольный
Под пение грузинки вспоминал
Иные берега и, возвращенный,
Застрелен был царизмом наповал!

Но годы шли. Урод—орел двуглавый—
Повержен в прах, ошипан и сожжен.
И новою Кавказ увенчан славой
В державе вольной дружеских племен.

Среди природы пышной и суровой,
Когда смотрю я пристально кругом,
Одно приходит на язык мне слово
И только с ним я мыслю о другом.

И только с ним понятно, как веками—
От Прометея и до наших дней

Гранил Кавказ и шлифовал тот камень,
Что мы зовем характером людей.

Так миллионы воль—их блеск кристален—
Спрессованы в характер здесь один,
И встал в веках неповторимый Сталин—
Из исполинов исполин.

Я говорю о нем и мыслю: „Ленин“.
Два имени сливаются в одно.
Грядущее веков и поколений
Великой правдой их озарено.

В прощальный вечер—тихий, величавый—
Земля мне показалась кораблем.
А капитаном был Эльбрус двуглавый,
Как Ленин—Сталин в образе одном.

1930. Тбилиси.

Славной родине послужишь,
В руки ты возьмешь ружье.
Выбирай себе, что любо:
Море, воздух—все твое.

Как дубок, расти и крепи,
Ты родился в светлый век.
Под счастливою звездою
Ты, счастливый человек!

1936

ПЕСНЯ
О ПОБЕДЕ

М 10027-к

Чувашская
республиканская
БИБЛИОТЕКА
им. М. ГОРЬКОГО

~~Тувльская обш.
библиотека
имени ЛЕИНА~~

1. The first part of the document is a letter from the author to the editor, dated 10/10/10. The letter discusses the author's interest in the journal and the topic of the proposed article.

2. The second part of the document is a letter from the editor to the author, dated 10/15/10. The editor responds to the author's letter and provides feedback on the proposed article.

3. The third part of the document is a letter from the author to the editor, dated 10/20/10. The author responds to the editor's feedback and provides a revised version of the article.

4. The fourth part of the document is a letter from the editor to the author, dated 10/25/10. The editor provides final feedback on the revised article and indicates that it has been accepted for publication.

5. The fifth part of the document is a letter from the author to the editor, dated 10/30/10. The author expresses their appreciation for the editor's feedback and their excitement about the publication of their article.

НЕПРИСТУПНЫЙ ЛЕНИНГРАД

Сурова невская волна,
Свинцом блестит вода.
Не будет пленницей она—
Ничью! Никогда!

Дворцы, музеи и сады,
И бронзу, и гранит
Народ, как кровные труды,
Навеки сохранит.

Проспекты, улицы, мосты—
Все родине подстать:
Во всем российской широты
И вольности печать.

А там опять с броневика,
Простертая вперед,
Вождя знакомая рука
К победе нас ведет.

Великой совестью страны,
Не бронзовый, — живой,
Как вызов идолам войны,
Встал Ленин над землей...

Сурова невяская волна,
Свинцом блестит вода.
Не будет пленницей она —
Ничью! Никогда!

1941, июль, Ленинград.

ЗА РОДНУЮ МОСКВУ

Ты—сердце нашей родины, Москва,
Как дом родной, близка ты, дорога.
Ты—символ всенародного родства,
Ты—верный меч на кровного врага.

Все, кто тебя лелеял лишь в мечтах,
Сегодня встали за тебя горой,
Чтоб вечно реял гордый красный флаг—
Мы, как один, идем на смертный бой.

Москва! Тебе внимает вся земля,
И голос вещей твой призывней стал.
С высокой башни вечного Кремля
Звучит, звучит „Интернационал“.

Его не заглушит орудий гром,
И горе тем, кто на Москву спешит.
Не жить им: с каждым шагом, с каждым днем
История к могиле их теснит.

Кто поднял меч, тот от меча падет,
Не мало их ты видела, Москва.
Но правого меч вражий не возьмет,
А ты---навек вечные права!

1941

КЛЯТВА ВОЛГЕ

Волга!—Родное, заветное слово,
Песней звенящее в каждом из нас!
Клятвой солдата клянемся мы снова,
Волга, тебе в испытания час.

Встанем стеною, как встали когда-то
Наши отцы за отчизну свою.
Можем, должны мы побить супостата,
Духом не дрогнем в жестоком бою.

Волга, кормилица наша родная!
Кто, вспоминая тебя, не вздохнет?
Гордые волны от края до края
Славит на всех языках наш народ.

Волга—отрадные глазу просторы,
Бакен, надеждой горящий вдали;
Поймы, луга и лесистые горы,
Ой, Жигули, вы мои Жигули!

Волга—народного вольного духа
Символ немеркнувший, вечный призыв!
Словно вчера еще Разин на стругах
Здесь проплывал по волнам на низы.

Здесь пугачевскую пушку средь пашен
Плуг вырывает весной иногда.
Русский, башкирец, татарин, чувашин
Здесь подружились навеки тогда.

Шли рука об руку храбрый Тудимер,
Старый Булат и джигит Салават.¹
Шли, чтобы правнуки, гордые ими,
Лучшие в мире добыли права.

Волгою гребень невиданный вспенен,
Будет шуметь он в веках и мирах:
Это—бессмертие родины—Ленин,
С именем чьим победили мы мрак.

Всюду, всегда был и будет он с нами,
Честью, присягою в каждой груди.
Знамя чистейшее, Ленина знамя,
Нас осеняет на нашем пути.

¹ Чувашский, татарский и башкирский герои—пугачевцы.

Слушай, великая, вечная Волга!
С Лениным в сердце клянемся волнам:
Не посрамят мы священного долга,
Выстоим! Сталин—порукою нам.

Сентябрь, 1942

БАЛЛАДА О СВЯЗИСТЕ

Под частым разрывом снарядов
Проходит связист молодой.
А линия тянется рядом,
Пульсируя жёлтой живой.

Да, тысячи жизней незримо
Связала здесь медная нить.
И, верой в победу хранимый,
Их должен связист сохранить.

Идет он, ползет с аппаратом
По снежному полю один,
Под белым просторным халатом,
Сжимая в руке карабин.

Разрывы все ближе и громче,
Осколок осою жужжит.
Линейный надсмотрщик молча
Проходит сквозь смерть, чтобы жить.

Когда оглушительный грохот
Отбросил его на сугроб,
Сначала пощупал он провод,
Потом—свою ногу и лоб.

„Фиалка! Фиалка! Я—Астра.
Ты слышишь, Фиалка, меня?..“
Увидел товарищ глазастый,—
Бежит, снаряженьем звеня.

— Ты жив?—он спросил.—Будь спокоен:
Связь наша в порядке. Ты жив!—
В ответ говорит ему воин:
Продвинулись наши? Скажи...“

— Траншея за нами! Звонили.
Враг выбит из зимней норы...—

.....
За сорок минут был на линии
Исправлен двадцатый порыв.

НОВОГОДНЕЕ

Третий раз, друзья, встречаем
Новый год в землянке.
Котелок с грузинским чаем
Да консервов банка.

Эй, сержант! Где наша фляга?
Пусть засеребрится
Чудодейственная влага
Марки „Горе фрицу!“

Старшина! Ты был не постник:
Лей, не проливая.
Может статься, скоро в гости
Приглашу тебя я.

Может статься, в день парада,
В первомайском гrome,
Вспомним степи Сталинграда,
Брянский лес и Гомель.

Вспомним вьюги в балке снежной,
Эной и пыль, и жажду,
И зальем ее, конечно,
Не водой овражной.

Вспомним о друзьях и дружбе—
Боевой, походной,
О солдатской нашей службе
Трудной и почетной.

О героях вспомним павших,
Горя не скрывая.
И за все подыдем чаши
Полные до края.

А пока—сжимай винтовку
И вперед, не так ли?
И за это нашу сотку
Выпьем всю, до капли!

1943—44

ЛЕНИН С НАМИ

I

Полковник припал на колени,
Целуя стяг гордый и вольный.
Со стяга смотрел на нас Ленин —
И этого было довольно.

Вперед! И рванулись гвардейцы,
Священной исполнены мести.
И каждый нес Ленина в сердце,
Как символ свободы и чести.

Лучистыми крыльями машет
Победа навстречу. Над нами —
Солдатскою совестью нашей —
Бессмертное Ленина знамя.

II

Мы в город вошли на рассвете.
У взорванных стен общежитья
Старик одинокий нас встретил
И все повторял: „не взыщите...“

Я понял: ему было негде
И не с чем принять нас с мороза.
Без шапки, в дырявой одежде,
Стоял он и смигивал слезы.

Но в дряхлых руках (о, мгновенье!)
Увидел портрет я у деда:
С улыбкой прищурился Ленин,
Бойцов поздравляя с победой.

III

Кружит за окном завируха.
Война далеко. Но не спится:
Вздыхает о сыне старуха
И медлят в руках ее спицы.

Последним в тот год разрешилась,
Дала ему имя Владимир.
— О, счастье! Яви сыну милость,
Верни ты его невредимым...—

И смотрит на бюст она серый
Под вышитыми рушниками.
И столько в глазах ее веры
Под грустью тяжелой, как камень!

IV

Задумчивы темные ели.
Московские звезды алеют.
Он в маршальской серой шинели
На левом крыле мавзолея.

Виски сединой оросились,
Черты обозначились резче.
Как будто все горе России
Ему навалилось на плечи.

Но клятву давал он недаром,
Решая судьбу поколений.
Он знает: народ благодарен.
Он слышит: сегодня ты—Ленин.

21 января 1944

Т А Н Я

ПРОЛОГ

Вспомнил сказку я,
Сказку древнюю
Да про девушку
Про красавицу,
Что приходится
Солнцу дочерью:
Хевельби она
Прозывается.

Вубор — ночи царь,
Повелитель тьмы —
Позавидовал
Солнцу ясному:
Всех задумал он
Покорить себе,
Как хозяину
Полновластному.

И схватилися
Солнце с Вубором,
Содрогнулася
Вся вселенная.
Не стерпела тут
Хевельби душа—
На неравный бой
Вышла гневная.

Не перечило
Солнце дочери:
Пусть поратует,
Коль ей нравится.
Черный Вубор же
Прековарный был,—
Полонить сумел
Он красавицу.

К солнцу ясному
Дочь взмолилася:
„О, единое,
Свет творящее!
Ты мне батюшка,
Ты мне матушка,
Облегчи мои
Муки страшные“.

И услышало
Солнце мудрое:

Нацедило вмиг
Молоко свое,
Испекло на нем
Хлеб для дочери,
Протянуло в тьму
На мольбу ее.

Лишь отведала
Хлеба девушка—
Заиграла в ней
Сила мощная.
„Нет, не страшно мне,—
Говорит она,—
Царство Вубора
Полуночное!“

И давай метать
Стрелы острые
И копьём колоть
Огнеокая.
Изрешетила
Тьму кромешную;
Вубор-чудище
Стонет, охает.

Но немалую
Силу черную
Сохранил еще

Царь извечной тьмы:
Это он на мир
Шлет туман и мглу,
Грозный гнев его
В ночи видим мы.

А молочный хлеб
Чудодейственный
Вдруг появится
В виде месяца.
И не звезды в ночь
Загораются,
То—от верных стрел
Дыры светятся.

И не молния
Блещет на небе—
Хевельби летит
С саблей, пикою.
Не зарница вдруг
Задрожит в дали—
Хевельби дарит
Мир улыбкою.

„И не долго уж,—
Говорит народ,—
С черным Вубором
Солнцу маяться.

Близок, близок день:
Тьму поборет свет,
Хевельби не зря
Улыбается!“

1

С витрин и стен зовет плакат:
„Ребята! Не Москва ль за нами?“
Проходят тьмы и тьмы солдат,
Стуча подковами о камень.

Татарин с русским, армянин
С узбеком, белорус с грузином,
Чуваши с таджиком... Как один,
Идут в стремлении едином.

Великий испытанья час!
Любовь и ненависть святая!
На смертный бой отчизна нас
Благословляет, к нам взывая:

„Сыны мои! Скорей, скорей!
Забудьте страх, отбросьте жалость.
Ко мне подкрался страшный змей,
Протягивает к сердцу жало.

Я вам вручаю грозный меч,
Отточен он в веках не даром:

Дракону голову отсечь
Должны вы яростным ударом“.

Как будто ожил вдруг плакат:
„Ребята! Не Москва ль за нами?“
И, мнится, встал, шагая в ряд,
Сам Лермонтов под наше знамя.

К столетью гибели своей
Поднялся он живей живого.
И никогда поэт теплей
Не чувствовал родного крова.

И как просторен этот дом!
Как широка поэта слава!
Какое мужество кругом,
Как эта поступь величава!

Спустилась ночь. И там, и тут
Прожектор режет тьму зарницей.
Идет поэт и с ним идут
Сибиряки и кабардинцы...

И всем понятен звонкий стих:
„Ребята! Не Москва ль за нами?“
И за сердце берет он их
Простыми, ясными словами.

Черна, как бурка, ночь; черны
Глаза глашатая-поэта...
Как никогда Москве верны
Народы всей страны Советов.

2

Дочь призналась по секрету
Матери в те дни:
„Я на фронт, но знать про это
Будем мы одни...“

„Ты?!“ Мать пристально взглянула,
Ослабела вдруг.
Отвернулась и вздохнула,
А в глазах испуг.

Перед ней дитя родное,
Крошка, как всегда.
Меньше кажутся ей вдвое
И ее года.

А вокруг—холодный, темный,
В грохоте мортир—
Содрогается огромный
Исступленный мир.

Сердцу матери больнее
Слышать вой сирен.
Но больней, страшной вдвойне ей
Чужеземный плен.

Как ни грустно, ни уныло
Над пустым гнездом,
Но птенец почуял силу,
Он взмахнул крылом:

„Не грусти, не надо, мама,
Это не беда.
Посмотри в глаза мне прямо
И скажи лишь: да.

Да, твоя у дочки в жилах
Негодует кровь.
Да, и гнев ты мой взрастила,
И мою любовь.

— Будь бесстрашной, честной, смелой!—
Ты твердила мне.
Час настал: я смелость делом
Докажу стране.

Пусть мою проверит доблесть
Страшная гроза.
Пусть огня и стали отблеск
Озарит глаза.

Под столицей враг упрямый.
О, Москва моя!
Ведь москвичка же я, мама,
Комсомолка я!

Досвиданья! Иль умру я,
Как герой в бою,
Иль героем ты живую
Встретишь дочь свою“.

3

Стол, книги, синяя тетрадь...
Все так же, как в былые дни.
Пусть долго им хозяйку ждать,
Дождутся ведь ее они.

...Линейка, перья, карандаш...
Как будто в школу собралась.
Но разве словом передашь,
Чем каждый жил тогда из нас.

Шло лето. Плыли в синеве
Аэростаты на посты.
Пришла и осень, а в Москве
Еще не мало школ пустых.

Косили сено, жали рожь,
Картошку рыла детвора.
И Зоя, мокрая, сквозь дождь
Вернулась в город лишь вчера.

День целый в хлопотах прошел,—
На фронт хотелось поскорей.
Зашла к подругам, в райкомол,
Казалось все так просто ей.

Но труден бранный путь побед:
То смотрят—слишком молода,
Дают отеческий совет,
То снисходительное „мда!“

— Вас, может, в госпиталь? Вот тут...
Просили санитарок двух...—
„Опять в тепло? Опять в уют?
Да разве нет у нас... старух?“

И Зоя вспомнила, что есть
Знакомый командир... К нему:
„Хочу я к партизанам .. в лес...“
Призналась девушка ему.

— А не боитесь вы?—спросил
Военный осторожно.— „Нет“.

— ...Ночь, Вы одни. Фашистский тыл ..
„Я понимаю“—был ответ.

Взгляд пристален и чист, и прям.
Давно все взвешено, видать.
Заметил командир, но сам
Ей задает вопрос опять:

— А если схватят немцы вас? —
„Я знаю: будут мучить, бить,
Мне будет больно... Кто сейчас
Без боли мог бы день прожить?

Поверьте: я своих вовек
Не выдам, пусть умру от ран!“
Взглянул, поверил человек.
Родился новый партизан.

4

И вот собралась она в путь-дорогу,
А мать провожала, скрывая тревогу.

Сверкнула, как искра, в ресницах слеза,
И только забота застыла в глазах.

А дочери взоры, она замечает,
Так празднично, так вдохновенно сияют.

Как радостно — быть восемнадцати лет,
Свой вызов судьбе посылать и привет!

Идет комсомолка и в сумрачном свете
Она вспоминает Бетховена, Гете.

Любимая песня у Зои была,
Она ее в книжку свою занесла:

„Гремят барабаны и флейты звучат,
Мой милый ведет за собою отряд. .

Ах, если бы латы и шлем мне достать,
Я стала б отчизну свою защищать.

Уж враг отступает пред нашим полком,
Какое блаженство быть храбрым бойцом!“

Мечтала о подвиге Зоя когда-то...
'Так вот каковы этот шлем, эти латы!

Ушанка да куртка, походный мешок,
Подножка трамвая, прощальный звонок.

Все сказано матерью дочери милой,
В глаза посмотрела и благословила.

Напутствовала и Москва свою дочь,
И осени поздней тревожная ночь.

И вслед вся Россия, казалось, махала
Ей флагом кремлевским, немеркнувшим, алым.

Конец октября. Лишь неделя пройдет—
И Красная Площадь парад развернет.

Там будут не флейты, не бой барабанный,—
Железной когортой пройдут великаны:

Броня да моторы, — не латы и шлем,—
Победного духа не сломишь ничем.

И там человека в походной шинели
Увидим, о ком наши песни мы пели.

Вперед провожая колонны солдат,
Заботой, любовью блеснет его взгляд.

В едином порыве пройдут миллионы,
И песня сама облетит все колонны:

„Уж враг отступает пред нашим полком.
Какое блаженство быть храбрым бойцом!“

5

Любила Пушкина она.
Душа ее, как хмелем ива,
Поэзией окружена
И все по-русски в ней красиво.

А с Чеховым она давно
Решила, как судья пристрастный,
Что в человеке все должно
Быть безупречно и прекрасно.

И, мысли завершая круг,
В свою тетрадь, почти ликуя,
Она заносит: „Пусть умру,
Но без любви не поцелую!“

Такою, страх и смерть презрев,
На путь борьбы она вступает.
Великая любовь и гнев
Великий ею управляют.

„Отчизна! Что я без тебя?—
Сказала девушка спокойно,—
Тебя навек не полюбя,—
Любви я в жизни недостойна.

Да, первая любовь—тебе,
А ненависть—врагу-злодею.
Пока он в прах не стерт в борьбе,
О счастье думать я не смею“.

И как-то Зоя своего
Братишку Шурика спросила:
„Ты знаешь, Шурик, для чего
Живем мы все?“ И пояснила:

„Цель жизни каждого из нас—
Для блага нашего народа
Трудиться. Каждый день и час
Народу будет нами отдан“.

Читала Пушкина она.
И ошибусь я тут едва ли,
Сказав, что *Таня* внушена
Была ей Пушкиным вначале.

„Татьяна, русская душою,
Сама не зная почему,
С ее холодною красою
Любила русскую зиму“.

Не зная почему... О, нет!—
Прекрасно знала наша *Таня*,
За что любила с малых лет
Мороз и бури завыванья.

Да, знала *Таня*: солнце есть,
Что светит нам и в непогоду,
И солнце это—только здесь
И называется—Свобода.

Вот это солнце погасить
Задумал враг смертельный, лютой,
И черной паутины нить
Он тянет, чтоб лучи опутать.

За это солнце, чтоб и впредь
Оно отчизну нашу грело,
Идет на бой—на жизнь, на смерть—
Красавица дочь солнца смело.

6

„Дорогая мама!
Как ты там теперь?
Не больна ль? Хотела б
Знать я о тебе.

Мама! Хоть два слова
Напиши, прошу.
Выполню задание —
Дома погощу...“

* * *

Короткое письмо.
Тревога и тоска.
А в книжке записной
Шекспирова строка.

Волнуясь, трепеща,
Вписала в тишине
Слова: „Прощай, прощай!
И помни обо мне“¹

¹ Из «Гамлета».

Отряду путь лежит
Чрез линию огня,
Здесь страх не победит,
Здесь души из кремня.

Но искрою в кремне
И нежность есть в душе:
Тот вспомнил о семье,
О первом малыше;

Та вспомнила подруг,
Любимого, друзей,
Учебу, мирный труд,
Экскурсию, музей...

У всех мечта была,
Как молодость, чиста.
И всех она звала
Творцами счастья стать.

Но вот далек их дом,
Не пройден светлый путь. —
Неправда! Мы пройдем,
Пройдем когда-нибудь.

Пусть книгу на столе
Не удалось дочесть;

Товарищ! Не жалея:
Роман прекрасней есть.

Есть в мире жизнь и смерть,
Есть мужество в бою,
И счастье—умереть
За Родину свою...

Пусть не дописан твой
Последний стих, поэт,
Стальным штыком его
Допишешь в дни побед.

И лучшим будет он
Из всех твоих стихов,
И будет жить, за то,
Что к смерти был готов.

* * *

„Прощай, прощай!..“ И с кем
Прощается она?
К кому в такой тоске
Душа обращена?

И что тебя там ждет
Во вражеском аду?

Так спросит даже тот,
В ком богатырский дух.

Но клятвы не забыть,
Она и в смертный час
Любовью будет жить
И ненавистью в нас.

Так! Малодушных прочь!
Нам воля дорога...
С рассветом или в ночь—
Сегодня ж—в тыл врага...

7

Дым махорки вьется в кольца,
Быль и сказка пополам.
Партизанят комсомольцы
По немецким по тылам.

Что за край! Лесной, болотный,
Он встает перед тобой,
Словно Шишкина полотна,
С первозданною красой.

Ели, сосны и березы,
Беспросветный бурелом.

Лес шумит... Какие грезы
Будит в сердце он твоём?

Этот шум не раз ты слушал,
Думал: понял навсегда.
Но иною песней душу
Тронул в эти он года.

Может, есть прекрасней наших
В этом мире уголки,
Но тебе милее пашни
Вдоль родной Москва-реки.

Этот воздух, небо это,
Грозовые облака
Вспоминал везде, везде ты
И брала тебя тоска.

Всюду русское, родное!
Пусть печаль—она светла;
Чистой пушкинской строкою
Тихо в нас она жила.

Всюду русское, родное!
Но теперь осквернено
Ненавистною ордою,
Опоганено оно.

И острее ты замечаешь,
Как красив твой край родной.
По-иному понимаешь
Ветра вой и шум лесной.

„Вражьей силе никогда я,
Ни за что не покорюсь!“
Так пел лес. И так родная
Пела взвихренная Русь.

* * *

Темный бор и снег хрустящий.
Партизаны там и тут.
Днем костер разводят в чаще,
Соловьиным сном вздремнут.

Ночью — жаркая работа.
Лес родимый! Приюти,
Скрой получше от врагов ты
Наши тропочки-пути.

Лес скрывает, помогает,
Не уйти врагу от бед.
Но коварна волчья стая,
Может вдруг напасть на след.

Рыщет вражья сила, ищет,
Лес сжигая и валя.
Над деревней розга свищет
Да намылена петля...

Лес шумит протяжно, звонко,
Ветер с веток сыплет снег.
Смуглолицая девчонка
Прислонилась к сосне.

Языки костра немые,
А вокруг—молчат друзья.
Все усталые, худые,
Вся подвижников семья.

Вышел весь запас. Все съели.
Хлеба было на пять дней,—
Продержались две недели—
До последних сухарей.

Разделили все по-братски.
Все до крошки. И пора,
Говорят, к своим пробратья.
Решено еще вчера.

„Хорошо,—сказала тихо
Смуглолицая,—но я

(Пусть никто не вспомнит лихом)
Я б осталася, друзья.

Дайте мне еще заданье.
Знаю, чувствую: в долгу...
И намеченное зданье
Я в деревне подожду...

Ну, а если жертвой кто-то
Должен быть из нас, так пусть...
За мою краснеть работу
Не придется вам, клянусь!"

Кобуру поправив, встала
И прошла перед костром.
Лес молчал, и все молчало,
Каждый думал о своем.

Загорался отблеск красный
На лице ее и гас.
До чего была прекрасна
Наша Таня в этот час!

8

Зима. Мороз и автоматы
Трещат в глуши то здесь, то там.
И, равнодушная когда-то,
Природа помогает нам.

И хочется быть благодарным
Ей за метель, за ветер злой.
Лишь по врагу б мороз ударил,
А мы—перенесем любой.

Мы стерпим холод, голод, боли
Во имя жизни и борьбы.
Еще по букварю мы в школе
Твердили все: „Мы не рабы!“

Мы жить хотим, а жизни нету:
Чужая власть, надзор чужой.
Захватчик, враг добра и света,
Как черный морок над душой.

Он грабит, жжет, казнит, пытается.
В деревне смех детей исчез.
А старики о тех мечтают,
Чей след скрывает темный лес...

Молчат развесистые сосны,
Молчат глубокие снега.
Как грозный заговор, несносно
Молчанье это для врага.

И враг жить хочет: на зимовку
Залег в берлогу, как медведь.

А тут — вставай, бери винтовку,
Да в лес, да в оба чтоб глядеть.

Ему бы — лазить по насестам,
Насиловать и пить, потом
Во все концы писать „невестам“:
„Москва капут, а мы живем!“

Но есть страшнее бомбы слово,
Есть невидимка-партизан.
Один попался — десять новых
Уж где-то образует стан.

Там взорваны автомобили,
А здесь конюшня сожжена,
Тут офицера вдруг убили...
Кто? Как? — Молчанье. Тишина.

Эсэсовцы, на всякий случай,
Казнят пока двоих-троих.
Но темный лес уже подслушал,
Он месть готовит за своих.

Все ближе, ближе час расплаты,
Сторицей враг заплатит нам...
Зима. Мороз и автоматы
Трещат в глуши то здесь, то там...

* * *

Смеркалось. В чаще над землянкой
Клубился пар. Из-под ветвей
Поднялся человек в ушанке,
Прислушался—и в путь скорей.

Его обдал холодный воздух,
Мороз крепчает и бодрит.
Вонзились в небо стрелы-звезды,
Луна висит, как медный щит.

Тропа ведет обрыва кромкой,
Кустарником и полем... Снег
Хрустит под валенками громко.
Насторожился человек.

С оглядкой, нагнувшись, боком,
Упрямо он идет вперед.
И кружевом белеет легким
На шапке инея налет.

А под полою полушубка
Проходит ветер по ногам.
Висит на человеке сумка,
В руке сжимает он наган.

Луна зашла. Перед глазами
Строенья вырастают вдруг.
Деревня. Избы... Путник замер,
Он слышит сердца каждый стук.

С минуту постоял на месте,
Вперяя взор в ночную мглу.
Паленым пахнет. Запах шерсти,
И где-то подгорает лук.

— Опаливает поросенка
Иль жарит кур любитель фриц... —
Гнев искрою сверкнул в потемках
У путника из-под ресниц.

Пошел. Чернеют бревна. Те ли?..
Да, он приметил их... И вот
Он у забора, он у цели;
Наган за пазуху сует...

Бутылку достает быстрее.
Шуршит соломой. Льет бензин...
Нагнулся он,дохнуть не смея.
Одну лишь спичку... миг один...

Но сзади в этот миг подкрался
К нему немецкий часовой.

Рванулся человек, поднялся,
И выхватил револьвер свой.

Но выстрел не успел раздаться, —
Оружье выбито из рук.
Тревога. Кинулись солдаты.
Сомкнулся ненавистный круг.

9

Привели в комендатуру.
Кто же этот человек?
Офицеры смотрят хмуро
Из-под жирных, вялых век.

Перед ними вырастает
Высока, смугла, стройна
Наша девушка простая,
Молодая, как страна.

Тает иней на ресницах,
Загораются глаза.
„Маскарад иль все мне снится?“
Унтер стянутый сказал.

Засмеялись. Скупое. Сухо.
И, пока на стол кладет

Часовой револьвер, сумку,
Офицер кривит свой рот:

„Очень, очень рады встрече
С вами, русской Жанной д'Арк.
Ждем мы вас не первый вечер...
Вы сожгли наш конный парк?“

„Я!“ у девушки не дрогнул
Даже мускул на лице.
„Вашей искренностью тронут,—
Продолжает офицер.—

И давно в лесу живете?
И давно у партизан?
Кто коллеги по работе?
Сколько их и где их стан?“

„Не скажу!“ —отрезал твердо
Голос звонкий. Офицер
Позабыл и смех и гордость,
Стал он сумрачен и сер.

Приказал хозяйке: „В кухню!“
Запер дверь. И вот она
В окруженьи немцев пухлых
Очутилась одна,

Палачи ее раздели,
Положили на скамью.
И ремни над ней запели
Песню дикую свою.

Но ни слова не подслушал
Кто приник в тот час к стене.
Лишь одно—все глуше, глуше:
„Не скажу. Не знаю. Нет...“

10

С непокрытой головой,
Наведя ружье,
Вдоль по улице ночной
Повели ее.

А мороз сердитый, злой,
Вьюги вой кругом.
Постучался часовой,
Ввел в какой-то дом.

Подкосились ноги. Но
Поднялась. Глядят.
„Партизанка? Ждем давно!“
Говорит солдат.

Зажигает спичку: В щель
Сузились глаза.

Тычет. „Жжется? Неужель?
Что же нам сказать?

Мы пожар припомним твой!
Ты нас жгла вдвойне.“
И проводит он пилой
По ее спине.

Закусила губы в кровь:
Только б не стонать.
Рухнула. Очнулась вновь.
Просит пить подать.

С печки слез, кряхтя, старик,
Русский человек;
Шел к кадушке, — сиплый крик
Путь ему пресек:

„Тоже палок захотел?!—
Встал тут часовой, —
Уберись, покуда цел!“
Отпихнул ногой.

„Так и быть уж, не морись,
Пей, не жалко, пей...“
И поднес какой-то фриц
Керосину ей.

Но глаза ее зажег
Сразу гнев такой,
Что забыть его б не мог
Человек с душой.

Нет: бездушен автомат.
Если б стон и плач,
И рыданье—был бы рад,
Кажется, палач.

Ни отчаянья, ни слез.
Фриц винтовку взял,
Босиком ей на мороз
Выйти приказал.

Он водил ее, пока
Сам весь не продрог.
И „помог“ концом штыка
Перейти порог.

Наконец сменен злодей.
Два часа. Все спят.
И прилечь на лавку ей
Разрешил солдат.

Но хозяйка — та не спит,
Нет у старой сна.

— Чья ты будешь?—говорит
Девушке она.

„Я москвичка. А зовут
Танею меня“.

— А родители... живут?
Где твоя семья?—

Повела краями век,
Крылья сжав бровей,
И ни слова та в ответ
Не сказала ей.

11

Ты ли это, Таня?
Кто, как мать, любя,
В очи лишь заглянет--
И поймет тебя?

И кому поверить
В этот страшный час?
Даже стены, двери
Слушают здесь нас.

Все мученья молча
Ты терпеть должна.
Давит, давит ночи
Злая тишина...

Кто мне перескажет,
Что в ту ночь без сна
Думала под стражей,
Таня, ты одна?

Кто откроет, что ты
Видела в ту ночь,
Боль свою дремотой
Сиясь превозмочь?

Видела ты, знаю,
Как из века в век
Креп, душой мужая,
Русский человек.

Вот Иван Сусанин
К изголовью встал.
„Ты ли это, Таня?“—
Он тебя назвал.

Вот и старостиха
Василиса здесь:
„Ты ль, родная!..“— тихо
Напевает песнь.

Ты ли, Таня, Зоя?
Сколько их—подруг

И друзей, грозою
Поднятых, вокруг?

Сколько смелых следом
За тобой идут!
Только не об этом
Думаешь ты тут...

12

Сквозь заклеенные стекла
Брезжит синий свет.
„Ой, касатка! Чай, продрогла...
Да и сна, чай, нет...“

И старушка слезла с печи,
Шепчет: „Не спала?..
Знать, и позапрошлый вечер
Это ты была?“

— Я... Сгорели немцы?— „Нету.
Только кони их.
Да машинам, слышно, где-то
Был урон велик.

Где-то склад с оружием тоже
Вспыхнул, говорят...“
Таня слушала и строже
Становился взгляд;

„О, такой раздуть пожар бы
В вражьей стороне,
Чтобы все они, как жабы,
Лопнули в огне!

Чтобы выкурить их дымом,
Как из нор кротов;
Каждый холм непроходимым
Сделать, каждый ров...

Как нелепо я попала!
Как мне жаль, что я
В жизни сделала так мало,
Родина моя!

Чуда нет, не будет, знаю.
Знала наперед.
Помоги, страна родная,
Ты, родной, народ!

Помоги пройти достойно
Мне последний путь.
Победив врагов и войны,
Вспомни... Не забудь...“

13

„Прощай, прощай! И помни обо мне...“
Кто Гамлетом, кто Тенью здесь встает?

Не тень. Они живут, живут в огне —
И Родина, и Таня — дочь ее.

Единой пуповиной дочь и мать
Навеки скреплены и поправ страх.
Союза этого не разорвать
Ни дыбою, ни пламенем костра.

14

Вошел офицер. Вновь допрос:
„Скажите мне, кто вы? Прошу
Без позы, без маски. Всерьез.
За искренность все вам прощу“.

Коверкая русскую речь,
Он девушке смотрит в глаза:
„Да, можете жизнь вы сберечь,
Лишь стоит вам правду сказать.“

Кто с вами и сколько и где?—
Вот все, что я требую с вас“.
И будто бы так, между дел:
„Скажите, где Сталин сейчас?“

Тут девушка вспыхнула вся,
Впервые не в силах молчать,
И сдвинула брови, гася
Невольную искру в очах.

Взглянула на немца в 'упор
Под сердца немолкнувший стук,
Но голос спокоен и тверд:
„Наш Сталин всегда на посту“.

Вскочил офицер, оглушен
Пощечиной слов, зашагал;
Вдруг крикнул хозяевам: „Вон!“—
Рукою на дверь указал.

И снова пытаются ее,
И снова ременная плеть
Свистит, извиваясь змеей,
Не в силах сломить, одолеть...

Ну что за душа! Из чего
Терпенье и воля росли?
Устал истязатель. И вот
Одежду ее принесли.

Чулки, шаровары, жакет,
Походный мешок вещевого.
Но куртки и валенок нет,
Нет шапки ее меховой.

С той шапки дежурный сорвал
Звезду в комендантской, и вдруг

Он след от звезды увидал
Со ржавчиной легкой вокруг.

Подумалось: так никогда
Еще не алела звезда...
И вздрогнул фашистский солдат
От ужаса, не от стыда.

Украдкой он мех выправлял
И гладил шершавой рукой.
Но след был упрям: выдавал
Грабителя он с головой.

Косясь на других, вор-герой,
Напялил ушанку, как мог:
В углу мерил куртку второй,
А третий — разрезал сапог...

И вот принесли жалкий скарб
Залапанных, смятых вещей.
Хозяев ввели, обыскав.
Одеться приказано ей.

Старушка, вздохнув, помогла
Натягивать Зое чулки.
И долго отнять не могла
Заботливо-нежной руки.

Нет-нет да и, слезы смахнув,
Погладит родная рука.
А немец глядит, не моргнув,
Торжественен, как истукан.

Но окрик — и он, выгнув стан,
Повесил ей доску на грудь.
И надпись на ней: „Партизан“.
О, Зоя! Куда же твой путь?

15

Мороз суровый. Спозаранок
Стучится староста в окно:
„Все, все на площадь! Партизана
Казнить сегодня решено“.

А виселица в ночь готова,
Селяне, головы склонив,
Подходят — и ни с кем ни слова,
В глазах их мрачные огни.

Иные, постояв, тихонько
Домой сумели повернуть:
Не видеть, не глядеть бы только,
Нельзя ни охнуть, ни вздохнуть.

Фашистов много: офицеры,
Солдаты — чтобы каждый вник.

Исполнен важности и веры
Жрецов Вотана фриц-мясник.

И конных — больше эскадрона:
Гарцуют — сабли наголо,
Довольные, что так „покорно“
Полусожженное село.

Для них как будто праздник светлый,
Но праздник ли? В глазах — испуг.
Известно им: огонь из пепла,
Бывает, вспыхивает вдруг.

„Ведут...“ Как вздох, пронесся глухо
Невольный ропот над толпой.
Соседке говорит старуха:
„Молоденькая... Боже мой!“

На солнце декабря смотрела,
Как в первый раз, и — вся светла —
В одних чулках, ступая смело,
В бессмертье комсомолка шла.

О, жизнь! Прощального значенья
Миг каждый полон для нее.
Пошли ей, Родина, терпенья
Во имя вечное твое.

„Татьяна, русская душою,
Сама не зная почему,
С ее холодной красою
Любила русскую зиму.“

А Зоя-Таня знала, знала,
За что любить и синий снег,
И солнце зимнее, что встало
Навстречу ей—живой весне.

Толпа заколыхалась. Вводят.
И, взор свой устремив вперед,
Прекрасная навек, проходит
Отчизны дочь на эшафот:

Не сон, не в книге, настоящий, —
Петля пеньковая крепка.
Ее поставили на ящик,
Вкруг шеи обвилась пенька.

Палач готов. Ждет только знака.
Но комендант застыл: пред ним
Фотограф вертится с „кодаком“.
И Таня крикнула своим...

Рука в перчатке замахнулась,—
Фашист хотел ей рот зажать.

Но Таня руку оттолкнула
И голос громко стал звучать:

„...Я смерти не боюсь. Не страшно
За свой народ мне умирать...“
Палач глядит подобострастно
На коменданта: „Сколько ждать?“

Махнул фотографу рукою
И крикнул комендант: „Кончай!“—
Тут резко повернулась Зоя,
Сверкнув глазами, к палачам:

„Сейчас повешена я буду,
Но помните: я не одна.
Мои друзья везде и всюду,
Со мною вся моя страна.

Нас двести миллионов, знайте,
И всех не перевешать вам.
Солдаты! Образумьтесь, сдайтесь,
Скорей переходите к нам.

Победа все равно за нами,
За жизнь мою вам отомстят.
Спешите же под наше знамя,
Кто солнцу, воле, жизни рад!“

А люди русские стояли
И молча плакали, боясь,
Чтоб их сочувствие, печаль их
Не увидала вражья власть.

Палач поддернул, свирепея.
Но Зоя вдруг приподнялась,
Ослабила петлю на шее
И крикнула в последний раз:

„Смелей, товарищи! Боритесь!
Наш Сталин с нами! Он придет!..“
И кованый сапог арийца
Неистово о ящик бьет.

Перевернулся ящик. Хрустнул
Снег плотный. Охнула толпа.
Раздался вопль и, эхом грустно
Три раза повторен, пропал...

16

Вот прошел и день, вот и ночь прошла—
Тело девушки все качается.
Порошит снежок—и пышна, бела
Шубка новая на страдалище.

Следом ветер мчит неприкаянный,
Раздевает он вновь несчастную.

Так висит она, вся измаяна,
В ясный день висит, в ночь ненастную.

Время занято сменой дней, ночей,
И неделя вот им отсчитана.
Только девушке на земле своей
Не лежать еще,—все висит она.

Осыпает снег, леденит мороз,
Ветер рвет ее и качает злой.
Только чудится—хор печальных звезд
Ропщет на небе в тишине ночной.

Ропщет звездный хор, и поет звезда:
„Ветер, будь ей друг,—оторви ее,
Спеленай в снега и умчи туда,
Где не властны смерть и небытие;

Где заботою обо всем и всех
Бьется нежное сердце родины;
Где никто, никто не забыт из тех,
С кем пути побед были пройдены...“

Но проходят дни, мчатся ночи вслед,
Месяц весь убит грустью черною.
Что же хочет враг и какой ответ
Ждет от девушки непокорной он?

По селу ль идет часть немецкая—
Недостойные званья воина,
С диким гоготом фрицы мерзкие
Тычут палками в тело Зоино.

А идут свои—люди русские—
Низко головы опускаются.
Сердцу горестно, очи тусклые
Думой тайною загораются.

И проходит всяк, словно камень, нем:
Старый люд пройдет—стынет в жилах кровь,
Пройдет юноша—вспыхнет пламенем,
Пройдет девушка—круто сломит бровь.

И живут мечтой все единою
Да заветною—отомстить бы как.
Веря в близкое диво дивное,
Веря в светлый час, гнев молчит пока.

День за днем идет, ночь за ночью вслед,
Декабрю конец, завтра новый год.
И сегодня вот, под сивушный бред,
Пьяных немцев сброд по селу бредет...

Закружились все стаей воронов,
Поглумилися над повешенной;

Платье девушки было сорвано,
И затоптано в злости бешеной.

Так еще она провисела день
Вся изрезана, вся исколота.
Мир, смотри сюда!— Траур, мир, надень,
С болью в ней узнав свою молодость.

Только вечером комендант отдал
Приказание снять невольницу.
На санях ее повезли тогда
Непокрытую за околицу.

Там береза есть одинокая,
И не думала, не ждала она,
Что такое вот горе горькое
Ляжет около, неоплакано.

Яма мелкая тайно вырыта.
Похоронена под лопаты звон.
Лишь одно в уме, знать, у иродов:
„Только б сгинул след“. Да не сгинул он...

17

Насыпь свежая замерзла
И покрылась снегом.
Караул несет береза —
Белая, вся в белом,

Замела могилу вьюга,
Кто в ней? — неизвестно.
Но береза, как подруга
Верная, ни с места.

Знает грустная: не вечно
Будет снег да стужа.
Ей не раз еще беспечный
Птичий гомон слушать.

И сама она призывней
Зашумит листвою,
Чтоб поведать всем, что ныне
Видела с тоскою...

Так береза размечталась,
Меж ветвями где-то
Чуя дружескую шалость
Непоседы ветра.

Только ближе шум и громче,
Ветра ли то шелест?
Нет, то пушек гром грохочет,
Стаи пуль распелись.

Саранчой серо-зеленой —
Полям, по оврагу,

По лесной трущобе темной —
Дали немцы тягу.

Есть дорога, нет дороги —
По задам, сугробам —
Потянулись сани, дроги
И машины скопом.

Вязнут кони, вязнут люди,
Глохнут вдруг моторы...
Ждет деревня: что-то будет,
Что-то будет скоро!

И пришла, пришла та сила —
Армия родная
Краснозвездная настигла
Ворогов, карая.

Точно гром небесный грянул
В зимнем Подмосковье.
Враг не выдержал, отпрянул,
Истекая кровью.

Путь в Москву ему заказан!
Бой был беспощаден.
Дальше, дальше отзвук баса
Гаубиц-громадин...

Тишина. В деревне чисто.
Только снег окрашен
Кровью черною фашистов,
Но мертвец не страшен.

И приходят к разоренным
Очагам селяне.
Смотрят, стынут молча, словно
Знали все заране.

По дорогам и по тропкам
Тянутся салазки.
Ребятишки жмутся робко
И глядят с опаской.

И выходят партизаны,
Были вспоминают:
Кто и где, и чем был занят...
Тут и выплывает...

Рассказали про Танюшу
Горестную повесть.
И запало имя в душу—
Чистое, как совесть.

Вышли люди за деревню,
Подошли к могиле

И земным поклоном древним
Девушку почтили:

„Пусть тебе земля родная
Будет пухом нежным.
Мечь народная, святая
Грянет неизбежно!..“

И густой покрыли хвоей
Холм едва приметный.
А народ о Тане-Зое
Создавал легенды.

Вырос холм горой высокой,
Что ни день — то выше;
Стал он виден издалека
Всем, кто правдой дышит.

Птицей-соколом взлетела
На вершину слава;
Алым знаменем горела
Гордо, величаво.

Клятвой мести стало Тани
Имя нам простое,
И вовеки не увянет
Имя жизни — Зоя.

Проходя на запад дальше
Этою деревней,
Может, станут части наши
Здесь порой вечерней.

Подойдут к березе мирной
Воины, как надо.
Снимут шапки командиры,
Снимет вся команда.

И спасибо скажут верной
Дочери советской—
И солдат в шинели первой,
И сержант гвардейский.

И спасибо скажет ротный
С переподготовки,
И седой комдив— добротной
Перекопской ковки.

И спасибо скажет тот ей,
Кем наш век прославлен,
Кто с отеческой заботой
Всех нас помнит: Сталин.

1942. Апрель.

ПЕСНЯ О ПОБЕДЕ

Эта песня о победе.

Наливайте ковш резной
Брагой пенистой, хмельной!

Приглашаю всех гостей
В красный угол потесней,
Пей да дело разумей.

Кто мечтает, кто полет
Дум своих стремится вперед,
Тут со мною запоет.

1

Сталинград... Бывал и я там.
Горд медалью, не таю,
Что сегодня бриллиантом
Освещает грудь мою.

Шелк-муар зеленой ленты —
Для меня сверкает он
Изумрудом самоцветным
И волнуется, как Дон.

А рубиновая жила —
Крови след, на страх врагам,
Что Победа проложила
С Волги к рейнским берегам.

2

Зной был адский. Все до тленья,
Все до белого каленья
Выжег август, но терпи.
Роты, взводы, отделенья
Поезд высыпал в степи.

Зажелтел подсолнух, ожил
Умерщвленный уголок.
Слез узбек и вынул ножик
И по смуглой водит коже,
Вправив зеркальце в цветок.

„Воздух!“ — шутит с ним татарин.
Не моргнул и глазом парень:
„Что мне! Я ведь не мулла!“ —

Цедит он из-за угла,
Улыбаясь взглядом карим.

Легкой шуткой, гневом сердца
И лопаты черенком
Подгонялись мы пешком...
Не видал пока я немца,
И со мной он не знаком!

3

Целый день мы прошагали,
Просоленные в поту.
В нашей роте не слышали
Слова мы „невмоготу“.
Неумытые, в пыли,
С марша в пекло мы вошли.

От стервятников нет мочи:
Рев и вой, пожар и гром —
Дни и ночи, дни и ночи...
Все темным-темно кругом.
Эх, лопата! Почему
Так узка ты, не пойму!

Только здесь земля—что камень,
На позиции своей
Ты вцепись в нее руками,

Чтобы кровь из-под ногтей!
Ты — пехота, так смелей,
Будь царицею полей!

Танков лязг... Лежишь ты в поле.
Ближе черные кресты..
И в ладони сжал до боли
Первую гранату ты.
Ты — пехота: не живи,
Но врага останови!

Было: умерли — не сдали.
Помни их, отчизна-мать!
Сталинградские медали
Могут многое сказать.
В них начало всех побед
И грядущей славы свет.

4

Я — в машине преогромной
Незаметный винт. Ну что ж!
Хорошо, что в дело гош.
Ведь таких, как я, миллионы.
Как бы ни было — без нас
Не легко земле подчас
Совершать свой путь законный.

Не завидую: пусть маршал,
Пусть полковник, генерал...

Ни за что бы не желал
Потерять я право наше —
Право быть, других не ждя,
Первым гостем у вождя,
Это всех чинов мне краше.

Раньше, чем кому, к солдатам
Обращается приказ
(Вот к чему веду рассказ).
И над бруствером покатым,
Как бывает иногда,
Сам себе я командарм
В поединке с супостатом.

Мой окоп обороняет
Генерала; ну а им —
Маршал, может быть, храним.
Маршал, скажем, отвечает
За Москву; в Москве живет
Тот, кто маршалов ведет,
Кто по отчеству их знает.

Как бы город ни бомбили,
Человек тот никогда
В нем поста не покидал,
И твси все знал он были:
Видел твой окоп и дом,
Братом был тебе, отцом,
С ним мы всех врагов побили.

Вот куда, под гром снаряда,
Ты приходишь, малый винт!
За тебя в Кремле звенит
Тост, как высшая награда,
А пока в груди твоей,
Как судьба планеты всей,
Бьется сердце Сталинграда.

5

„... Если буду я убит,
Хороните коммунистом...“
Так солдат пером скрипит
Над окопом каменистым.
Так и я пишу; кипит
Кровь под грохотом и свистом,
Но возвышеннее строк
Я в ту ночь найти не мог.

Занялась заря степная,
Окровавив неба гладь.
Что кому, но я, мечтая,
Вижу сгорбленную мать:
Не могла б она, я знаю,
Хоть бы раз зарю проспять.
В эти ночи, в эти ночи
Скорбь не даст сомкнуть ей очи...

Степь чернеет лебедой,
В ноздри запах бьет полынный.
Враг за энской высотой,
Оголенной бритвой минной.
Ты сегодня встал живой,
Но лишь начал день свой длинный.
Солнце всходит — и оно,
Как снаряд, раскалено.

Здесь сошлись два мира к бою.
Сто шагов „ничьей“ земли.
С низким солнцем за спиною
Под бурьяном мы ползли.
Где-то рядом смерть с косою.
Миг один, века ль прошли...
Скоро вся планета, мнится,
Как граната, разлетится.

На земле я до сих пор
Не убил и малой птицы.
...Враг свалился на бугор,
Сжал кулак — не ухватиться:
Жизнь ушла, померк простор,
Сердцу вражьему не биться...
Я к земле припал на миг,
Головой в траву поник.

Долго знать давали нервы
Сердцу, как струна звеня.
Но не он ли в жизни первый
Замахнулся на меня?
Есть закон, навеки верный:
Поднял меч — так не пеняй!
Лишь башку склонив, как надо,
Получил бы враг пощаду.

Может, я впервые путь
Преградил ему в то утро
И заставил повернуть
В разоренный им же хутор.
Может, вражьей крови муть
И полыни горечь — тут-то
Вдоль траншей и пролегла
Рубежом добра и зла.

6

Я пою победу нашу.
До краев налей, друг, чашу
И обычай не забудь:
Поминая всех, кого мы,
Не дождались нынче дома,
Надо три глотка плеснуть.
Рядовой, сержант иль кто ты, —
Но, наверно, из той роты,
Что прошла до Рейна путь.

... Долгожданный снег — как весть.
Нет саней, так лыжи есть,
И держать востро нам ухо.
Ветер злой: трамбуя наст,
То коленом он поддаст,
То залепит оплеуху.
Край реки пригладил лед,
За рекою враг залег.
Что он думает? — ни слуха.

Тихий Дон был тих не очень:
Темной ночью мост сколочен —
Разбомбят его тотчас.
А появишься на лодке —
„Фердинанд“ не плох в наводке,
Он не спустит с лодки глаз.
Протянуть канат попробуй,
Вверх и вниз гляди ты в оба —
Угодишь в реку как раз.

Но мосты нужны, как бой:
Разобьют один, другой...
Может, пятый уцелеет.
Но плывет челнок с тобой —
Первый, третий... а шестой,
Может, Дон спасти сумеет.
Но тянуть, тянуть канат!

Долго знать давали нервы
Сердцу, как струна звеня.
Но не он ли в жизни первый
Замахнулся на меня?
Есть закон, навеки верный:
Поднял меч — так не пеняй!
Лишь башку склонив, как надо,
Получил бы враг пощаду.

Может, я впервые путь
Преградил ему в то утро
И заставил повернуть
В разоренный им же хутор.
Может, вражьей крови муть
И полыни горечь — тут-то
Вдоль траншей и пролегла
Рубежом добра и зла.

6

Я пою победу нашу.
До краев налей, друг, чашу
И обычай не забудь:
Поминая всех, кого мы,
Не дождались нынче дома,
Надо три глотка плеснуть.
Рядовой, сержант иль кто ты, —
Но, наверно, из той роты,
Что прошла до Рейна путь.

... Долгожданный снег — как весть.
Нет саней, так лыжи есть,
И держать востро нам ухо.
Ветер злой: трамбуя наст,
То коленом он поддаст,
То залепит оплеуху.
Край реки пригладил лед,
За рекою враг залег.
Что он думает? — ни слуха.

Тихий Дон был тих не очень:
Темной ночью мост сколочен —
Разбомбят его тотчас.
А появишься на лодке —
„Фердинанд“ не плох в наводке,
Он не спустит с лодки глаз.
Протянуть канат попробуй,
Вверх и вниз гляди ты в оба —
Угодишь в реку как раз.

Но мосты нужны, как бой:
Разобьют один, другой...
Может, пятый уцелеет.
Но плывет челнок с тобой —
Первый, третий... а шестой,
Может, Дон спасти сумеет.
Но тянуть, тянуть канат!

Десять, двадцать ли подряд...
А один — тонуть не смеет.

Животворна дружбы сила:
Рота пела, говорила
Языках на десяти.
Средней Азии прохладно,
А сибирякам досадно:
„Это ль стужа? Нет шести!
Погодите, жарко будет...“
И решили наши люди
Сквозь кусты к реке ползти.

То-то ночь была, друзья!
Позабыть не в силах я.
Плыли лодки,плыли бревна,
Доски, шпалы и плащи.
Ветер, волны — полощи! —
Не мочить бы лишь патроны.
Тихий Дон, не выдай ты
Наши замыслы, мечты,
Переправь нас без урона.

Середина. Вдруг ракета,
Две... четыре... Море света.
О, проклятье! Вновь летят
Пули, трассою горящей.
Грянул гром и хлынул страшный

Град свинцовый наугад.
Забурлил фарватер Дона,
Но пальбу и страх, и стоны
Заглушало: Сталинград.

Это слово нас несло,
Как челнок и как весло,
Подымая над пучиной;
Этим словом зажжены,
Выйти к Волге мы должны
На широкую путину.
Волги друг старинный — Дон,
Ей протягивает он
Руку в черную годину.

7

То крупа, то дождь, то вьюжит.
Мокрый снег слепит и злит.
Ночью вдруг такая стужа,
Что насквозь проледенит.
Подо льдом одно лишь чувство
Согревает сердца ком:
В слякоть, в стужу, вплавь, ползком
К Паулюсам (будь им пусто!)
Через тысячи преград
Тянешь ты петлю, солдат!

Их — не много и не мало —
Триста тридцать тысяч шей
В наш аркан тогда попало.
И, сжимая все тесней,
В громе пушек, минном вое,
Стиснув зубы, шел ты шел...
Разбомбят в пути котел —
Ты жевал пшено сырое,
Но, не жалуясь, свой взгляд
Устремлял вперед, солдат!

Не забыть рассвет январский
В день десятого числа.
Как конец какой-то сказки,
Тишина всю ночь росла.
Лагерь их и наш как будто
Вдруг заснули. Но истек
Рокоссовским данный срок.
Мы прислушивались к утру.
Годом длилась ночь для нас,
Немцам — ночь была что час.

Наш не принят ультиматум.
„Хорошо!“ сказал солдат
И проверил автомат он,
Посмотрев на снежный скат.
Разрывая хмарь и тучи,
Солнце выстрелило ввысь.

И пошли, и понеслись
Пушки, танки и „Катюши“ —
Шквал огня и гнева шквал...
Судный день врагу настал.

* * *

Я хотел пропеть вам песню,
Рассказать про нашу быль.
Пяльцы песни слишком тесны,
Чтоб вместить узор судьбы.
А у каждого судьба там!
Было — былью поросло.
Не кичусь я, но пришлось
Рядовым тушить солдатом
Сталинградский мне пожар,
Тем и дышит песни жар.

Что солдату? — Быть согретым.
Не парад война, не бал:
Рад он валенкам, а летом
Молока бы похлебал.
Ну, а если формировка
Да кругом весна цветет,
В сердце что-то засосет...
И становится неловко,
Как, войдя в тенистый сад,
Вдруг поймашь нежный взгляд.

Что же делать, что же делать?
Не у каждого семья...
Благодарность без предела
Шлю донским казачкам я.
Благодарен всей душою
За тепло и за уход,
За сметану и за мед,
И за самое большое,
Что волнует вновь и вновь:
Благодарен за любовь.

Да, друзья, любовь горела
В сердце Родины святой:
То девчонкою смотрела
С затаенною мечтой,
То невестой обнимала,
То тоскующей вдовой,
То старушкою седой
Нас, как мать, благословляла,
То улыбкою детей
Нас встречала у плетней...

Петь сегодня я кончаю.
Наливайте ковш полней.
Тост один я поднимаю:
За любовь земли моей!
Не любовь ли, штык цветами
Разубрав, над смертью шла?

Не она ли разожгла
Нашей ненависти пламя?
Не она ль, целуя стяг,
Поклялась, что сгинет враг?

Не любовь ли победила?
Не посмеет в очи вновь
Заглянуть ей злая сила:
Наша чистая любовь —
Это сплав огня и стали,
Победивший смерть и тлен —
Мавзолей у вечных стен,
Коммунизм, Отчизна, Сталин.
За него мой тост, друзья,
Песня, сердце, жизнь моя!

1945

ЗАСТОЛЬНАЯ

Пусть носятся черные тучи,
Тем ярче на небе звезда.
Октябрь — из праздников лучший,
Светлейший наш день навсегда.

Пусть ветер, осенняя стужа, —
Согреты мы радостью дня.
С друзьями за праздничный ужин
Садимся тесней у огня.

Работали мы неустанно,
Порой — от зари и до звезд.
Полней наливайте стаканы:
За Сталина первый наш тост!

Пусть где-то шумит непогода,
Бушует метелью, пургой:
За славу и совесть народа —
За партию тост наш второй!

Тост третий, под дружную песню,
Подыдем и выпьем до дна —
За счастье отчизны чудесной,
Что сердцу навеки одна!

1948

ПЕРЕКЛИЧКА

КОНСТАНТИНУ ИВАНОВУ

Ты — первая любовь моя,
И в дни великого похода
В пробитой пулей сумке я
Тебя пронес, как честь народа.

Бойцам читал я про Нарспи
У волжской сказочной твердыни,
В донецкой выжженной степи,
Под Брянском, в Сандомире, Гдыне...

Мне шумный памятен привал.
Грузин воскликнул: „Руставели!“
Бакинец — Низами читал,
Украинцы — Шевченко пели.

Узбек кричал: „За Навои!“,
„За Пушкина!“ гремело всюду.
Все знали: впереди бои,
За все они в ответе будут.

Как горд я был, когда чуваш
Прислушался к родному слову,
Поправил молча патронташ
И вдруг сказал: „За Иванова!“

1950

ЗДРАВСТВУЙ, ПУШКИН!

... К нам навстречу плыла виселица, утвержденная на плоту, — три тела висели на перекладине... Полная луна озаряла обезображенные лица несчастных. Один из них был старый чуваш.

А. Пушкин.

В тот год на нас впервые это слово
Нахлынуло, как Волги вешней вал:
По селам края моего родного
С „Онегиным“ тогда я разъезжал.

... Еще в осенних кочках первопуток.
Бежит поземка, запахнув азиям:
То под машину завернет он круто,
То мелким бесом кружит там и сям.

Колдует, дразнит, что-то намекает,
К стеклу с разбега прилипает вдруг.

А ветер чью-то песню допеваёт
И колокольчика доносит звук.

Там, где-то по сугробам темной жизни,
Кибитка одинокая летит.
Седок печальный—пленником в отчизне,
И нет конца опальному пути.

Один, один... Мелькает даже сбруя
Жандармским аксельбантом на коне.
Берез верхушки, небо полосую,
Свистят, как розги, в звонкой вышине.

На звезды он уставился с тоскою:
Раскинулся призывно Млечный Путь...
Да, счастья нет! Но воли, но покоя...
О них в стихах осталось лишь вздохнуть.

В бессильном гневe задрожал, опомнясь,
Сверкнул белками, промолчав едва.
В медвежью шубу он уходит по нос,
И тают бакенбардов кружева.

Все тот же колокольчик однозвучный,
Щемящие напевы ямщика.
Полозьев скрип да фырк коней докучный,
Да версты полосатые... Тоска!

* *
* *

Трехдневный месяц рыбкой золотою
Нырять в редких тучах кувырком:
То выплывает как бы головою,
То вдруг обиженно плеснет хвостом.

А где возок? Шофер улыбку вытер.
Я с ним сам-друг. И больше никого?
Нет: с нами третий. Но не сбором литер —
Живого, рядом чувствую его.

Теснее, Пушкин! На подушках ГАЗа
Удобно ли, тепло ль тебе, поэт?
Позволь поведать о любви, что сразу —
Сковала сердце мне на много лет.

Давно все это было .. Я к забавам
Был равнодушен, на слова был скуп ..
Ко мне впервые отроком курчавым
Вошел ты сквозь лучинную тоску.

Осенними ночами долго молча,
Облокотясь, сидели мы в тиши.
Я чувствовал, как больно в эти ночи
Прорезывались крылья у души.

В твоих кудрях, как повилика цепких,
В глазах, тревожно устремленных вдаль,
В губах обиженных и, верно, терпких —
Иная открывалась мне печаль.

И раздвигалась тесная каморка:
Дождь, странником стучащий за стеной,
Подкидыш-ветер, плачущий так горько, —
Все обретало смысл иной...

* * *

Прошли года. И нету больше детства.
Зари туман развеян голубой.
Я вдруг прозрел. Отдернулась завеса:
Огромный мир предстал передо мной.

Я шел с открытою душой поэта
К мучительно-пленительной судьбе
И бремя нес вопросов без ответа,
Как подмастерье мастеру, тебе.

Я понял: жизнь не праздник, не пристало
Беспечной песней каждый день встречать.
И в поэтический бокал немало
Воды сырой пришлось мне подмешать.

Долг рос. Не выполнил народу дань я.
Не дело возвращаться с полпути.
Опять сомнения. Опять исканья.
Опять к тебе с поклоном мне итти.

И вот я толмачом твоим. Татьяна¹
Смутила музу скромную мою.
Молчала муза и, ревнуя рьяно,
Косилась, низко опустив тухью².

А я один беседовал с тобою,
И, в каждом звуке точный смысл ища,
Готов был взять его ценой любою,
Но до чего сума моя нища!

Благодарю тебя за муки слова.
Какая страсть овладевала мной,
Когда я добирался до родного
В созвучиях чужих души иной!

О, миг неповторимый просветленья,
Когда, волнуясь, радуясь, скорбя,
Я пионером в дебрях вдохновенья,
Я словотворцем чувствовал себя!

1 Автор—переводчик „Евгения Онегина“, „Полтавы“ и многих лирических стихотворений Пушкина. — *Ред.*

2 *Тухья* — шлемообразный головной убор чувашской девушки, нанизанный разноцветным бисером и серебром.

* * *

Дороги наши—точно ямб проворный,
Летит наш огнеглазый ургамах.
Снега, снега... и вдруг на белом черный —
Кондовый лес встает во весь размах.

Стоят дубы, что помнят Пугачева,
„Сарынь на кичку!“ разинцев хранят.
Стоят, шумят по-зимнему сурово,
Но о весне привольной говорят.

Ты видел их: смотри, как в три обхвата
Вознесся над кряжами старожил.
Переживет меня он, как когда-то
Тебя и бурный век твой пережил.

Но нам ли утоляться жизнью тленной,
Зависящей от фаз каких-то лун?
И ты, как вызов правилам вселенной,
Бушуешь всенародно, вечно юн.

Лети, машина, будоража сердце,
Врезайся сквозь грядущие века!
Но здесь... позволим мы откинуть дверцы:
Нас пригласили погостить пока.

Смотри: народ не перекатной голью,
И каждый новый шаг осмыслен наш.
По Волге плыл, качаясь под глаголю,
В крови тонул, но выжил — жив чуваш.

С широким сердцем он тебя сегодня
Встречает, как родного, у ворот:
„Да будет мой привет тебе как сходни,
Войди о, гость, и проходи вперед“.

За стол, поэт: стихам не жить без хлеба.
Нальем: да не остынет дружбы жар.
До дна! А мало — снимем звезды с неба
И зачерпнем литым ковшом Стожар.

1937

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

Что мне сказать в волнении сердечном?
Слезами горло, горем рот зажат.
Слова о мире, о покое вечном
Сегодня ничего не говорят!

Он умер в Горках. А в Москве летает
С утра по скверам тополиный пух
И траур мне другой напоминает,
Когда у мира захватило дух.

Великий гроб по вздохам поколений,
В снежинках цельных, плыл и плыл тогда...
Земля, где побратались Горький—Ленин,
Бессмертна и священна навсегда.

18 июня 1936

ФЕДЕРИКО ГАРСИЯ ЛОРКА

Плачь, муза, плачь...

А. Пушкин.

Как хотел бы в тебя я взглядеться!
Не увидеться нам никогда...
Но живешь ты, живешь в моем сердце,
Не сотрут образ ясный года.

Твой народ, окрыленный свободой,
Воскресит тебя трижды — не раз.
Капля каждая крови народной
Превратится в бесценный алмаз.

Твой призыв через горы нам слышен,
Здесь не счесть побратимов твоих.
Окровавленным знаменем — выше
Подыму я последний твой стих...

Муза, плачь! Видеть больно и горько,
Как растоптан венки средь камней.

Плачь и к мести зови ты за Лорку
Непокорною песней своей.

Ты увидела слезы ребенка,
Матерей ты слышала плач.
Рядом с ними бездушно и звонко
Хохотал инквизитор-палач.

Обещены девушки, вдовы,
Взор стыдливый отводят спеша...
Муза, плачь, с гневом Лорки живого
Ты возмездия слезы мешай.

Жив поэт! Пусть под гнетом Гренада,
Все равно его песня слышна.
Память родины — лучшей наградой,
Долговечнее бронзы она...

Как хотел бы в тебя я взглядеться
Сквозь завесу грядущих годин!
Но живешь ты, живешь в моем сердце,
Песнотворец, солдат, гражданин!

КОМПОЗИТОРУ

Г. Я. Хирбю.

Твой скромный уголок раздвинут ширью
мысли.

Я вышел от тебя с возвышенной мечтой.

Мелодии твои над сердцем повисли

И образ родины встает передо мной.

Я слышу, как шумят крутые волны Волги,
Как вторит бунту их немолкнущий сырнай¹.

Проклятье прошлому за гнет тяжелый,
долгий,

За то, что, песнь любя, не смел запеть наш
край.

Мой друг испытанный! Что пожелать тебе?

Зовет эпоха нас к неистовой борьбе:

¹ *Сырнай* — музыкальный инструмент.

Орлиных крыльев взмах дай в звуках ты
народу.

Я верю в дерзкий дух, что в нас живет всегда,
Я верю в торжество свободного труда,
Что стройное творит из хаоса природы.

1939

МИХАИЛ СЕСПЕЛЬ

Заветный есть для чуваша
На Украине уголок¹.
Давно к нему рвалась душа,
Но путь был труден и далек...

Вонзились в небо тополя.
Дубовый памятник в саду.
Уходит враг, топча поля,
Я с ротой вслед за ним иду.

В короткий передышки миг
Я посетил безлюдный сад
И к насыпи простой преник,
Где спит мой вдохновенный брат.

Родимый! С волжских берегов,
От светлой родины, в борьбе

¹ *Михаил Сеспель* — зачинатель чувашской советской поэзии, умер и похоронен на Украине (1899—1922).

Услышавшей твой ясный зев,
Передаю поклон тебе.

Прости: не смог у очага
Тебя я медом помянуть.
На запад, в сторону врага,
Три выстрела — и снова в путь...

Благодарю Шевченка мать:
Грудь Сеспелю дала она.
Пока земля не спасена,
Мой меч не будет ножен знать!

1943

ПАВЛО ТЫЧИНЕ

В квинтинах стремительных, в строгих
терцинах

Доходит твой голос до нас.
Мы чувствуем локоть солдата-Тычины
И песней звучит нам приказ.

Пылают сады, от музеев — руины..
Но, что бы ни видел мой глаз,
Бессмертна под солнцем твоя Украина
И вечен в ней песен запас.

Пусть гарью и кровью заря запеклась,
„Твой пепел стучит в моем сердце, Клаас!“ —
Поешь ты возмездье призывно.

И мать, кем был вскормлен великий Тарас,
Ты принял, как совесть ее, в скорбный час
В объятия верного сына.

1944

МИЦКЕВИЧ

Пусть ваши кандалы расплавит гневный стих
Слезами жгучими окровавленной Польши.

А. Мицкевич — „Русским друзьям“.

Над Бугом Западным, на польском берегу,
Вошли в деревню мы, в деревню без домов...
Одну картину я навеки сберегу,
Хотя рисунок мой едва ли будет нов:

Поляк — старик седой, ограблен, сир и вдов —
Стоит среди золы и смотрит на реку,
Туда, откуда вдруг на долгодневный зов
Пришел свободы друг с винтовкой к старику.

Все сожжено дотла. Но чудом сохранен
Мицкевича портрет. И, мнится, видит он,

Как я, взволнованный, молчать не в силах
больше.

Прими привет бойца, великий мой собрат!
Твой гневный стих встает солдатом с нами
в ряд
Во имя завтрашней, навек счастливой Польши.

1944, июль.

СУЛЕЙМАН СТАЛЬСКИЙ

Среди людей, взыскательных и чутких
Ко всякой фальши, наигрышу, лжи,
Вдруг раздались простого сердца звуки —
И дрогнули колонны, этажи.

Седой ашуг в черкеске с газырями
Пел так, как будто сдерживал свой крик.
Перебирал он струны все упрямей,
И я узнал: неграмотен старик.

Желтеющие пальцы были хрупки,
Мне захотелось их поцеловать:
Так много потрудились эти руки,
Но не дали им слова написать!

1948

Д Ж А М Б У Л

Я его читал в оригинале
И впервые понял, между строк,
Что величье это к нам едва ли
Переводчик донести бы смог.

Он вставал в степи, в небесной раме, —
Тень живая отшумевших орд.
Жеребят он сравнивал с бобрами
И конем был, как домброю, горд.

Как к такому сердцу подобраться,
Если вдруг, столетний, над седлом
Называл детьми он ленинградцев,
Называл он Сталина отцом?..

1948

ПОЛЬ РОБСОН

Перед сном включил я репродуктор,
И ко мне донесся, точно стон,
Голос из Америки, где утро,
Но чернее полночи закон.

Голос пел — как будто вырывался
Из застывшей, душной мглы на свет;
Пел и знал, что где-то слова „раса“
У людей в помине даже нет.

И такая вдруг тоска по краю
Милому и близкому навек:
„Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек...“

Эту песню все поем мы гордо.
Будет время: гордо зазвелят
Песни и твои, я знаю твердо,
Мой далекий, чернокожий брат!

1948

Я — СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ ГРАЖДАНИН

*Владимиру Маяковскому —
живому среди живых.*

Много разных земель знаю я: мир не тесен;
Есть большие и малые страны.

Много разных наречий, обычаев, песен, —
Жизнь народов ярка, многогранна.

На чужое не зарюсь и зависти нету,
Не влечет меня край ни один.

Снова слышится мне гордый голос поэта:
Я — Советской страны гражданин!

Где следов не оставил я поступи твердой?
Помню горы и реки, и море...

Преодо мной расступались бароны и лорды,
Короли с хитрой лестью во взоре.

Батраки и рабы, как свободу, встречали
Мой приход среди холмов и долин.

Все я понял: их думы, надежды, печали,
Я — Советской страны гражданин!

Это слово гремит, старый мир оглушая,
И, крылатое, реет все выше.
На земле, в облаках, в океан погружаясь,
Это слово ты сердцем услышишь.
Кто бы ни был — шахтер, хлебороб или воин,
Украинец, чуваш, армянин --
Честь и слава тому, кто воскликнуть достоин:
Я — Советской страны гражданин!

Нет яснее советского неба и краше,
Нет советского солнца светлее.
Но дороже всего — это равенство наше,
И забыть я об этом не смею.
На лесах коммунизма бессменным рабочим
Я стою и дойду до вершин.
Знаю, верит мне Сталин — великий наш
зодчий:
Я — Советской страны гражданин!

1949

ЗЕМЛЯКИ

ЭЛЬДИВАН

Старше не было в деревне
Эльдивана старика.
Дед поистине был древний,
Будь земля ему легка.

Девяносто девять прожил,
Чин ялбусь¹ ему был дан.
Юбилей бы вот... И что же?
Взял да умер Эльдиван.

Он всегда передо мною:
Не высок, да и не мал.
Сед, с былинной бородою, —
„Русской“, как покойный звал.

Вечно он в кафтане белом
Из домашнего сукна,
И в ялкасе² порыжелом,
Что сваляла в дар жена.

¹ Ялбусь — глава деревни.

² Ялкас — войлочная шляпа.

В дар, когда еще невестой,
Может быть, ему была.
Но об этом здесь не место,
То — семейные дела...

Эльдиван был вечный сторож
Полевой, да так народ
И прозвал его в ту пору —
Эльдиваном у ворот.

Так и жил в мирской избушке
У ворот он полевых,
Жил один, жены — старушки
Не застал уж я в живых.

На жнитво ль кто выезжает,
В лес ли тащится фургон —
Всех, бывало, провожает
Эльдиван, отдав поклон.

Всадник, женщина ль простая,
Будь то свой, чужой то будь —
Всем, ворота открывая,
Говорил он: „Добрый путь!

Пусть далекие дороги
Будут близкими для вас.

Возвращайтесь без трезоги,
Без печали, в добрый час! “

А заметит мимоходом,
Что в оси слаба чека,
Дед сочтет хозяйским долгом
Стукнуть палкою слегка.

Старики хвалили: „Вот он!
Даже взбалмошный козел,
Проходя в его ворота,
Надо думать, не был зол...“

А зимой, в пургу, в ненастье,
Скот в хлевах худых дрожал,
Эльдиван — ворота настезь,
До весны не закрывал.

Страстью давнею гонимый,
Ладил он силки скорей
И выслеживал всю зиму
Птиц различных да зверей.

То хорька, то горностаю
Запетлит он на гумне.
„Уж таков охотник стал я,
Даль-то нынче не по мне...“

Вечерами к Эльдивану
Собирался стар и млад:
Сказки сказывал он славно
Да и былью был богат.

Бил старик когда-то турка
За Дунаем за рекой.
Сохранилась даже трубка —
И в деревне нет такой.

Весь фарфоровый, расписан
Был чилим, как алкоран.
А чубук — из кипариса,
Так... аршина в полтора.

Дым проходит через воду
И не горек будто он;
Все шипит, как в непогоду
Самовар, что не лужон.

Как затянется сначала
Раза два хозяин сам,
Так по всей избе, бывало,
Трубка ходит по рукам.

Вспомнит были-небылицы
Под дымок старик солдат.

И не то, чтоб похвалиться, —
Просто к слову — спеть он рад:

„Турки, турки, кверху руки!
Нас не чаяли вы здесь?
Дым клубится, пышут трубки,
Прокурили город весь...“

Так — то шуткой, то серьезно —
Занимал старик народ.
В год, что назван был колхозным,
Помню, он пришел на сход.

Он сказал: „Настало время...
Трех царей я пережил.
Жил... Но бедности я бремя
Скинуть не набрался сил.

Не держал в руках я повод,
И старуха — что ни год —
Все вздыхала о корове:
Пес был мой домашний скот.

Дом мой вечно — караулка,
Сказки — вот моя скирда.
Утешала в горе трубка,
Да и та теперь худа.

Время, время. Ждал я крепко,
Верил: будет праздник нам.
А в колхозе человеку
Честь и слава, вижу сам.

Нам отцы твердили в поле:
„Будь-ка, парень, молодцом!
Кто заплачет здесь от боли —
Посмеется за столом.“

А теперь смотреть мне дивно:
Сеют — шагу не шагнут,
Все машиной, все машиной...
Жнут — и спину не согнут.

Да, пора... Мне жить немного...
Но велик, как видно, план:
Может, вам и я помога...“
Так сказал дед Эльдиван.

И в колхозе как-то сразу
Изменился наш старик.
Не проронит зря он фразы,
Хоть молчать и не привык.

Было время, между прочим:
Может, в меру сил своих,

Трудодни и трудоночи
Делал он и за двоих.

То к колесам точит спицы,
То, глядишь, скоблит лубки,
То (в хозяйстве пригодится)
Вьет веревку из пеньки.

То на мельницу порою,
То заглянет к конюхам.
Словно все своей рукою
Хочет он ощупать сам.

С первой оттепелью мастер
Парк машинный проверял.
Старика в те дни я часто
Возле трактора встречал.

Долго, пристально глядел он,
Забывая про чилим,
Как пыхтело и гудело
Что-то властное пред ним.

И кому известно — сколько,
Может, самых горьких дум
И воспоминаний горьких
Волновало старый ум!..

Появлялся председатель:
— Как твоё здоровье, дед?
Ты у нас был предсказатель,
Будем с хлебом или нет? —

„Снегу сколько! Видим сами.
Надо быть, земля воздаст.
Хорошо, когда „гусями“
На полях твердеет наст...“

А весной, лишь подсыхала
Ноздреватая земля,
Эльдиван кругом, бывало,
Обойдет пешком поля.

Шел он медленно, но твердо:
Ни полоски, ни межи,
Широка земля!.. И гордо
Думал старый: „Стоит жить!“

Вдруг не стало Эльдивана,
А о нем уж знал район.
Даже, слышно, „ветераном“
Кем-то там был назван он.

„По-солдатски хороните,
Чтобы музыка была.

Гроб мой сами не несите, —
Чтоб машина повезла“.

Так сказал старик, прощаясь,
Да еще, совсем без сил,
Табакурам всем на зависть,
Трубку он с собой просил.

Свят обычай: все по разу
Затянулись вместе с ним
И вернули, по приказу,
Полумертвому чилим.

На шести дубовых ножках
Гроб внесли (дед сделал сам)
И, поставив у окошка,
Пошептались: „Как он там?“

А старик лежал спокойно,
Только глаз не открывал.
Не живой и не покойник —
И никак не умирал.

Голова его сползала
Ниже, ниже... То ль уснул?
Наконец, вздохнув, сказал он:
„Жаль, до ста не дотянул!“

С тем и умер. Все, что было
Стариком припасено —
Холст, белье, чулки и мыло —
Чинно в хату внесено.

По обычаю обмыли
На соломе на ржаной.
Причесали, нарядили
И лежал он, как живой.

Табакком набили трубку,
Дали вышитый кисет;
Трут, кремьень, огниво в руку —
И готов в путь дальний дед...

На полуторку подняли
Гроб, стараясь не качнуть.
Восемь скрипок заиграли:
„Нам сквозь звезды виден путь...“

Эту песенку солдата
Больше всех старик любил,
Сам певал ее когда-то,
Как на службу уходил.

Он говаривал, что с нею
Даль была ему не даль,

Край чужой — и тот светлее,
Умереть — и то не жаль...

Гроб в могилу опускали,
Эльдиванов старый друг —
Музыкант Саврук вначале
Все молчал, молчал — и вдруг

Из-за пазухи достал он
Знаменитый шибыр¹ свой
И сыграл, что духу стало,
„Эрзерумский марш“ лихой.

То грозя кому-то резко,
То растягивая звук,
Выводил какой-то дерзкий
Странный лад старик Саврук.

Чтоб иметь секундный роздых,
Музыкант поколдовал:
Как т подбросит шибыр в воздух, —
Тот и в воздухе играл...

Гроб в могиле. Повздыхали.
Каждый бросил горсть земли.

¹ *Шибыр* — музыкальный инструмент из бычьего пузыря, род волынки.

Насыпь крепко трамбовали,
Чтоб солдата дождь не злил.

Поработали; зарыли;
Встал дубовый столбик вслед.
Числа ясно говорили:
Человек был жив сто лет.

Напоследок, время выждав,
С бородой в зубах Саврук
Обошел могилу трижды,
Совершив по солнцу круг.

Он сказал: „И кость, и тело —
Это все теперь сгниет.
Лишь бы имя не истлело,
А оно — переживет...“

Верно: звали человека
„У ворот“ — и он привык.
Что-то черствое от века
В это вкладывал язык.

Но старик не зря работал,
И ворота — не в позор:
„Эльдивановы ворота“
Называют их с тех пор!

НАТАЛИ

Рукоделья волшебство:
Лель-люли!
Вышивает—для кого?—
Натали.

Вышивает белый холст
До зари,
Словно лучиками звезд,—
Посмотри!

Красный шелк—любовь и кровь,
И слова:
Шелк зеленый—мир дубров
Да трава.

Ладит желтый с голубым
На холсте:
Небо с солнцем золотым
В высоте.

Черный шелк кладет она—
Все верней:
Мол, земля черна? Черна.
Шелк черней.

Много счастья в красоте,
Ведь узор
Свой имеет на холсте
Разговор.

Все вмещает он в холсты—
Вновь и вновь,—
И разлуку и мечты,
И любовь.

Сердцу тайну сохранить
Не вели:
Для кого в рубашке нить,
Натали?..

Словно чайка, на крыльцо
Издали
Прилетело письмецо
К Натали.

Пишет суженый, что он
Награжден,

Что прибудет в сентябре
На заре...

У невесты взор глубок,
Что кристалл:
„Поскорей бы голубок
Прилетал!“

Просияло вдруг лицо
У нее:
Написала письмецо
Про житье.

„... Порешила, дорогой,
Нынче я
Исписать листок-другой
Для тебя.

Я и дом, и весь колхоз,
Всем селом,
Шлем приветов целый воз,
А потом...

Все селенье посеючас
Говорит:
— Педер наш попал в указ—
Знаменит!—

Ну, родимый, крепко верь—
Буду ждать...
О себе хочу теперь
Рассказать.

Дел в колхозе—через край,
Не тужу.
Уж не трактор, а комбайн
Я вожу.

Ты мою в родном краю
В поле рожь,
По-хозяйски рожь мою
Бережешь.

Пусть ты где-то у морей
Иль обочь:
Ты живешь в мечте моей
День и ночь.

Для тебя я дар давно
Мастерю;
Отвернешься—все равно
Подарю...“

Перед зеркалом—в красе
Натали;

„Отращу. Расти косе
До земли“.

Меж бровей морщинки две
Залегли:
Что за думы в голове
Натали?

Две смородинки в глазах,
Пылок нрав.
Что ж, ведь девушка! В зрачках
Взор лукав.

Стала боком, и, кайму
Развернув,
Отраженью своему
Подмигнув,

Рукоделие взяла,
Поднесла;
И сверкнула хандасла¹
Из стекла.

Красный, красный, красный шелк:
Флаг и кровь,
Жизнь и дружба, честь и долг,
И любовь.

Перевел А. Недогонов.

¹ Хандасла — лучший, красивый узор.

САНДОР-ШАПКОВЕРТ

С Покрова он начинал
И до санного пути
По Чувашии почти
Все базары объезжал.
Кто не знал о нем, не слышал?
Шапка Сандора всех выше.

То ль отцовская она,
То ль от деда перешла,—
С верхом красного сукна
Шапка древняя была:
Куний мех—краса мужчины—
Полысел наполовину.

Рыжий, штопанный азам,
Старый выцветший кушак.
Худощав и строен сам,
Балагур и весельчак,
Он ходил чуть-чуть вразвалку,
Вечно с яблоневой палкой.

А на палке тут и там—
Морды змей, собак, зверей
Вырезал он по сучкам,
Это целый был музей.
Многим мордам так искусно
И глаза вставлял из бус он.

И на этой палке вот
Шапку он свою вращал.
Как, бывало, заорет—
Весь базар к нему бежал.
Вся цена-то, может, глотке—
Пива ковш да рюмка водки:

„Вот кобыла! Что ни шаг—
Жеребенка принесет.
Человек, без барыша,
Чуть не даром отдает:
Рубь кобыла, только просит
Сто на могоарыч подбросить...“

— Вот корова! Слышь, народ!
До такой, брат, далеко!
Вымя щупайте вперед:
Масло в ней, не молоко.
Рубь цена, да за рога вот
Разве сто рублей прибавят...“

Так вертелась над толпой
Кунья шапка там и здесь.
Так, хваля товар чужой,
Пел свою глашатай песнь.
Дело, может, и не в хмеле,
Что там кружка, в самом деле!

Просто хочет человек
С жизни сбросить скуки груз.
„Вот!—кричит он,—целый век
Помнить будете арбуз:
Красный, как девичьи щеки,
Слаще меда и сычевки!

— Постели любым гостям—
Вот кошма верблюжья, вот!..
— Черемшанской рыбы вам?
Так пойдем за мной, народ!
Рыба свежая, с похмелья
Съешь и снова за веселье!“

Вот таков был мой земляк—
Знаменитый шапковерт.
Он по-своему вот так
Оживлял мужицкий торг.
Сам же Сандор, может, в жизни
Не наторговал семишник.

Каждый, кто его встречал,
Пусть не на базаре, все ж
Головою вверх кивал:
Как, мол, вертишь? Как живешь?
„Как же, как же! Крутим, вертим,
Чтоб подальше быть от смерти.

Говорят, ведь и земля
Наша вертится? Так, что ж!
Вот и крутишься, пыля,
В пыль пока не упадешь.
Так вот и несет нас ветер—
И меня... и всех на свете...”

Детства милые края
Посетил я по весне.
„Бригадиром нынче я!“—
Подав Сандор руку мне.
Он сказал так это важно,—
Я сперва смутился даже.

Слово за слово... И вот
Человек другой встает:
Сандор—конюх, коневод,
Как он сам себя зовет,
И ведет меня в конюшню:
„Посмотри, пиши что нужно...”

Светлогривый рыжий конь
Равнодушный принял вид.
„Это наш Вутлан (Огонь),—
Бригадир мне говорит,—
Не гляди, что он спокоен,
Этот конь—бывалый воин.

Председатель наш на нем
До Берлина мерил путь,
И на нем же в отчий дом
Возвратился, не забудь!
А на скачках мы с Вутланом
Взяли первый приз недавно.

Был в газете и портрет,
Может, видел? Жаль, что нет.
Вот он!“ Я смотрю на свет:
Всадник и стишок „Привет“.

— Значит, вертится?!.—кричу я.
Улыбнулся Сандор: „Чую...
Да, вертелось над землей
Наше счастье там и сям.
Лишь с колхозною семьей
Счастью я хозяин сам“.

1939—1950

ДРУЖБА

С теми, кто Отчиной призван,
Шел долиной я цивильской¹.
Было за полдень, когда мы
До Абаша добрали.
Русский, мокша и татарин,
И мариец—все мне близки,
И у всех одно желанье—
Гнать врага с родной земли.

А в Абаше праздник сева:
Песни, пляски без оглядки...
Разлилась хмельная брага—
От зари на целый день.
Вышли девушки навстречу,
Вышли первые солдаты,
Старики да малолетки
За околицы плетень.

¹ Цивиль—река в Чувашии.

Но пахали, боронили
И разделали землю,
По-военному был четок
Трудолюбия размах.
„Мы ж мужчины!“ — подмигнул мне
Пятиклассник смуглолицый
Под отцовским старым шлемом
И с задоринкой в глазах.

Замелькали полотенца,
Зазвенели ведра, чаши.
Председатель поднял первый:
„ Попрошу гостей за стол...“
— Пиво свежее, красавцы,
Молодое пиво наше,
Пейте! — потчует старуха,
А старухе чуть не сто.

„Вот каков ты, край чувашский!
Какова душа народа!“
Говорят в один все голос
После третьего ковша.
Пью и я. Но что сказать мне?
Только сердце бьется гордо:
Ведь и я народа отзвук,
И во мне его душа.

Хорошо, друзья, мне было
Жить, одну мечту лелея:
Может, будет не последней
В мире песня и моя...
Но войны жестокий ветер
Все напористей и злее—
И пошел с тетрадкой в сумке
Рядовым солдатом я.

На лужке столы накрыты.
Мы уселись всею ротой.
Старый кравчий наливает,
Сам не трезв и не хмелен.
„Окажите честь шыртану¹,
Сыру нашинской работы...“—
Говорит мать-героиня,
Отдавая свой поклон.

И как будто сговорились—
Угощают все усердно:
Простодушные старушки,
Трубокуры-старики,
Хлопотливые молодки
И девчата, что, как серны,
От стола к столу летают—
Осторожны и легки.

¹ *Шыртан*—род колбасы из баранины.

Белорусски и еврейки,
Москвичи и ленинградцы
С грустью беженцев на лицах
Меж собою говорят:
„В благодатный край попали,
И народ отличный, братцы!“
И садятся, равноправны,
С ротой маршевою в ряд.

Старики благословили.
Под ветлой звучала громко
Скорбь, что в клятву превратилась:
„Будет вору черный срок!“
Лейтенант наш дал команду.
Кареглазая девчонка
Налила и поднесла мне
На дорогу „посошок“.

Я смугляночку запомнил,
Только имени не знаю:
Не сказала, не назвалась
Из стыдливости она.
Этот образ мне—как память,
Как любовь к родному краю,
Чем мечта моя дышала,
Чем душа была полна.

Край мой светлый! О тебе я
Думал часто в дни пожара,
И в тяжелые минуты
Утешался я тобой.
Те же ль вы, поля родные,
Котловины Шубашкара,
Волны Волги беспокойной,
Корабельных сосен строй?

Край мой нежный! Никого ты
Не назвал чужим, пришельцем:
Украинцам, латышам ли—
Всем была открыта дверь.
Все они тебе сегодня
Благодарны чистым сердцем,
И народов дружба стала,
Как алмаз, прочна теперь.

Земляков моих я видел
И скажу за них, что знамя
Нашей чести мы держали
Высоко в бою с врагом.
Мы сказали: нам, свободным,
Не бывать под батогами
И от имени народа
Целовали меч на том.

Потрясая мирозданье,
Артиллерия гремела.
Посмотрел в глаза ты смерти
И проверил автомат.
А сержант острит: „Ребята,
Это—лаптевское дело,
Я прислушался к снарядам—
По-чувашски говорят“.

Танки ринулись в атаку.
Два солдата говорили:
„А который, брат, Ширманов,
Что в журнале помещен?“
„Где же быть ему, товарищ,
Раз чувашской он фамилии?
Впереди, земляк, Ширманов,
В головной машине он.“

Обливаясь кровью, потом,
День проходит. К ночи тише.
Дремлешь, нет ли ты, из фляги
Отхлебнув воды глоток,—
Самолета слышен рокот:
„Не Орлов ли?!“ И по-птичьи
Смотрим в небо, отвернувши
Плащпалатки уголок...¹

¹ Лаптев, Ширманов, Орлов—герои Великой Отечественной войны, сыны чувашского народа.

Нет! Тебя не посрамили
Мы в сраженьях, край родимый,
Соблюди твои заветы,
Сердцем верные тебе.
Знать, не зря в лесах присурских
Следопытами росли мы,
И крутые волны Волги
Приучали нас к борьбе.

Солнцем Ленина и Сталина
Согреты наши села,
Слава громкая народа
Зазвучала, как сырнай.
Мир вам, труженики поля
И седые хлебосолы,
Пашни, лес, луга и поймы...
Мир тебе, чувашский край!

Мир тебе, народ мой скромный,
Терпеливый, чуткий сердцем,
С вечно юною душою,
А по опыту—мудрец!
На току веков ты долго
Бит цепами чужеземцев,
Но сберег свободы зерна—
И свободен наконец.

Мир тебе, в трудах рожденный
И трудом живущий вечно!
Ты в республике увидел
Исполнение мечты.
Пот твой жемчугом сегодня,
Кровь кораллом красным блещет
И победу украшаешь
Наравне со всеми ты.

Хлебороб и лесоруб твой,
Огородник и охотник,
Агроном, поэт и плотник—
Все в то лето взяли меч.
Враг посечен всенародно,
А мы будем жить вольготней
И воздаст земля сторицей
Тем, кто смог ее беречь.

Над тобой не выли бомбы,
Дым глаза твои не выел,
Палачом клеймен ты не был,
Оттого, что твой солдат
Насмерть встал у Сталинграда,
Честно выстрадал за Киев
И зубами вгрызся в камень,
Защищая Ленинград.

Так живи же, край чувашский!
В сердце родины веками
Рядом с русскими мужал ты
И ясна судьба твоя:
Хмель скорей в воде утонет
И всплывет скорее камень,
Чем нарушим нашу дружбу,
Закрепленную в боях.

Колесил с войной я долго,
Побывал я в странах разных.
Заросли следы травой,
Их метели замели.
Только здесь я всюду дома,
Только здесь и в будни—праздник,
И прекраснее России
Нет, друзья мои, земли!

1945

ОТ ЗАРИ ДО ЗАРИ

Когда краса и гордость дома—
Петух наш—трижды пропоет,
Я подхожу к окну двойному,
Смотрю спросонок на восход.

Зарею желто-розоватой
Подернут неба узкий край.
В степи алеет снег по скату.
И вдруг, как будто невзначай,

Сковородою раскаленной—
Всплывает солнца красный диск.
На стеклах, словно золоченных,
Цветы нездешние зажглись.

Морозно. Дом простыл к рассвету.
Я выхожу; среди двора,
По завещанию поэта¹,
Колю дубовые дрова.

¹ М. Сеспель: „Пусть псэт дрова поколет.“

Поленья мерзлы, суковаты,
Удар—и отскочил топор.
Но бьешь да бьешь по ним, пока ты
Не кончишь этот долгий спор

Вот так и с первою строкою:
Не те слова, не тот накал,
И рифмы врозь... Но нет покоя,
Пока на след ты не попал.

Готовит завтрак мать старуха,
Блины гречишные шипят:
Зимою, в стужу-завируху,
От них теплее, говорят.

Вот заскрипели половицы:
Мать чай несет. Клубится пар.
И важный, словно сват, садится
В конфорке-шапке самовар.

Но я о прозе забываю,
Сев за рабочий стол к окну;
И вновь тетрадку открываю,
В окно уставясь на сосну.

Сосна шумит. Сугроб за нею
Напомнил чем то мне Казбек.

А там меж берегов синее
Инча—светлейшая из рек¹.

Я не сравнил бы с морем целым
Теперь одной ее струи:
Под синим льдом, под снегом белым
Там детские следы мои.

Там, засучив штаны, бродила
Моя недоля сиротой
И старым решетом ловила
Рыбешку мелкую весной.

Какое все же это счастье,
Когда колючий первый ерш
Заплещется в нехитрой снасти!—
На всю окрестность заорешь.

А летом, в жаркую погоду,
Мы в день купались раз по семь.
Чуб высох?—Значит, снова в воду,
Ныряй по омутам по всем!

Обвеян дальними ветрами,
Пропитан солью всех морей,
Смотрю на речку в зимней раме
И знаю: нет ее милей.

¹ *Инча* — жемчуг.

На берегу все те же ивы...
Но дальше—ферма за рекой,
Где на воротах конь ретивый
Написан чьею-то рукой.

Там симментальские телята,
Бараны-мериносы там.
Все стало явью, что когда-то
Показывали в книжках нам.

Там, над Инчой моей жемчужной,
Стоит высокий, светлый дом.
То—штаб артели нашей дружной,
Недавно побывал я в нем.

На стенке Иванов¹ мечтает,
О лучшем думы затая.
А на другой—узнал Тукая,
Татарского поэта, я.

Ровесники, друзья по духу,
Они—с народом, что навек
Похоронил соху-старуху
И корень нищенства подсек.

¹ *Константин Иванов* (1890—1915)—народный поэт.

Ласкает там отцовским взором
Вождь, завершивший взмет земли,—
Великий друг людей, с которым
Мы свет и счастье обрели.

* * *

Шумит сосна. Я поработал.
Петух не зря пропел зарю.
Пусть не легка моя забота,—
Всегда я правду говорю.

По правде ж—здесь еще не праздник:
Колхоз наш не миллионер,
Соломой ветер с крыши дразнит,
Нет тротуаров, нет премьер.

Не все мы носим драп, на многих—
Домашнего сукна кафтан.
Еще не в фетр обуты ноги,
И кочедык в музей не сдан.

Но под соломенной крышей
Уже иных событий ход.
В названьях улиц даже слышно,
Как новь великая растет.

Вот, например, я жил на Задней,
И в детстве думал часто я:
Ужели будет неприглядной
Вся жизнь, как улица моя!

А нынче, подойдя под вечер
К селу родному, вдруг я встал:
На крайнем доме, на дощечке,
Я слово *Пушкин* прочитал.

Глядишь—и вырастут мгновенно
Столбы в блестящих проводах,
Там-сям над крышами антенны
Торчат, совсем как в городах.

Теперь, я знаю, в доме каждом
В тиши чувашских сел стучат
Сердца родных моих сограждан
Со всей советской жизнью в лад.

Свои усилия умножая
Без шума и без лишних слов,
Здесь люди знают: урожай—
Удар по проискам врагов.

Они не ждут указов сверху,
А поклялись стране за всех—
Заштопать каждую прореху
И каждый запахать огрех.

Я видел их: вчерашний воин,
Парторг—сегодня, сев за стол,

Как над двухверсткой перед боем,
Над „Кратким курсом“ ночь провел

Над схемой севооборота
Склонился председатель наш.
С артелью, как, бывало, с ротой,
Он совершит победный марш.

Они прошли, солдаты наши,
Европу вдоль и поперек:
Румынские заплаты-пашни,
Немецкий серый супесок,

Австрийские луга, долины
Болгарских роз, венгерский лес—
Все в памяти у них донине,
Но лучше нет родимых мест.

* * *

Шумит сосна. Уже над нею
Зажглася Ужина Звезда¹.
Окно синей, в избе темнее...
Подтопку топим, как всегда.

В золе печем „картошку в шубе“
И, покатав ее мячом

¹ Звезда Ужина—Сяръвус.

В ладонях, обжигая губы,
Едим с холодным варенцом.

Все так же в полумраке синем
Мигает свет „цыплячий глаз“.
Все так же пахнет керосином
По вечерам в избе у нас.

Но уж коптилки стали редки,
Есть свет другой в верстах пяти;
По воле нашей пятилетки,
Не может нас он обойти.

И сквозь мерцанье жалкой лампы
Я вижу нового черты.
Пишу—и воплощают ямбы
Мои заветные мечты...

* * *

Шумит сосна... Крепчает ветер.
Знать, до утра не жди добра.
Зарядкой будет на рассвете—
Уборка снега со двора.

Завьюжило кругом... Вдыхает,
В ладонь покашливая, мать.
А боль в ноге напоминает
О Сталинграде мне опять.

Но вот на огонек заходит
Сосед мой, гвардии сержант.
Привет. Два слова о погоде.
А там пойдет уж „Фердинанд“,

Засада, бой, крещение танка,
Как песня, речь его звенит.
И даже старая ушанка
След от звезды еще хранит.

Приятно мне, что отпечаток
Такой же на судьбе моей.
Взглянул я на руку в перчатке—
И будто боль в ноге слабей.

А речь идет уж о плотине,
О стройке грэс—в счастливый час,
О свекле сахарной, о дыне,
О многом, что волнует нас.

Пусть это нашим завтра будет,—
Коль свет забрезжил—день придет.
А мы не доживем, так люди:
Един, бессмертен наш народ.

Бывает, что хранитель древний
Преданий и легенд ко мне

Заходит на чаек вечерний
Потолковать о старине.

Какой родник живого слова!
Бесценна каждая струя.
И жадно впитываю снова
И снова все до капли я.

Когда сказитель седовласый
Смолкает—новый гость опять:
Школяр, поэт восьмого класса,
Приносит мне свою тетрадь.

Я вслух стихи его читаю,
Он—шейным вязаным платком
Как будто снег с лица сметая
Бормочет: „Лучше вы потом...“

Тогда мы, по слогам хорен
Да ямбы меря, шутим так:
Пока огонь горит, скорее
Разжечь бы новый нам очаг!

Мы о чувашских полугласных,
Об удареньях говорим. .
И представляется мне ясно:
Я—мост от старых к молодым.

Пусть годы волны бьют о сваи,
Расшатывая их,—вперед
И прямо, юность боевая,
Бесстрашный, дерзкий вездеход!

Столбы—поэмы, а доскою—
Мой каждый стих, и вот настил.
Но помните: я не смолою,
А кровью сердца их залил.

Не с тонкою резьбой перила,
Гирлянды нет на них венков:
Кто перейдет—познает силу
И красоту превыше слов.

Там, впереди, счастливый берег,
Там радуга цветов живых.
Идите и дойдете, верю:
Там молоды навеки вы.

И там звенеть чувашской речи:
Я вижу—берег не далек.
Готовьтесь к долгожданной встрече,
Крепите шаг, ускорьте срок.

Ступайте же смелей, потомки,
На мост, что строил я для вас,
И песни счастья пойте громко,
Мой голос вспомнив в добрый час!

* *
* *

Сосна шумит в ночи глубокой.
Не спится. Кровь стучит в висках.
Я вижу Шубашкар далекий
И ту, что всюду мне близка.

В воображеньи нахожу я
Слова всех прочих слов нежней;
Слова, которых не скажу я,
Быть может, в жизни рядом с ней.

И я зову: вперед и выше!
Пусть ветер лют и крут подьём,—
Твой каждый вздох в пути я слышу,
Итти нам до конца вдвоем.

Ведь мы творцы. А это значит—
Весь сердца жар отдать сполна,
Чтоб быть достойными задачи,
Что нам отчизной задана.

За каплю каждую мы море
Народу нашему вернем.
Пусть прах веков, нужду и горе
Он, благодарный, смоем в нем.

Вперед и выше! Коль погаснуть—
Так самой яркою звездой!

Чтоб ослепительный и ясный
Зажегся свет от нас с тобой...

Пора. День новый недалеко.
Сосна уснула. Жар потух.
Вновь свет зари встает с востока,
Вновь на дворе—поет петух.

1948

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Запев

Песня Сталину	7
Век	9
На Кавказе	11
Песня старого колхозника	14
Колыбельная	15

Песня о победе

Неприступный Ленинград	19
За родную Москву	21
Клятва Волге	23
Баллада о связисте	26
Новогоднее	28
Ленин с нами	30
Таня	33
Песня о победе	85
Застольная	100

Перекличка

Константину Иванову	105
Здравствуй, Пушкин!	107
Максим Горький	114

Федерико Гарсия Лорка	115
Композитору	117
Михаил Сеспель	119
Павло Тычине	121
Мицкевич	122
Сулейман Стальский	124
Джамбул	125
Поль Робсон	126
Я—Советской страны гражданин	127

Земляки

Эльдиван	131
Натали	143
Сандор-Шапковерт	148
Дружба	153
От зари до зари	162

Обложка художника *П. Сизова*.

Редактор *Мих. Зенкевич*. Техредактор *Н. Степанов*.

НТ 05409. Сдано в производство 10. V.-1950 г.

Подписано к печати 16-VI-1950 г. Объем 5,5 п. л. Заказ № 1235.

Тираж 2000 экз. Цена 5 р.

Типография № 1 Чувашполиграфиздата при Совете Министров
Чувашской АССР

г. Чебоксары, ул. Володарского, 5.

69

SOKOH.

Цена 5 руб.